

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СССР

А.Г. Вишневский

Автор статьи предлагает свою трактовку советской истории как истории консервативной революции (или консервативной модернизации). Смысл этой революции - в превращении традиционного, аграрного общества в современное, индустриальное и городское. Основной тезис статьи заключается в том, что эта всеохватывающая революция, равно как и составляющие ее более частные революции, были в СССР консервативными: они обеспечивали быстрые и довольно эффективные технические и другие инструментальные перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства. Это предопределило противоречивый, ограниченный характер модернизационных перемен и невозможность их завершения в рамках созданной в советское время экономической и политической системы.

Охватившая все стороны жизни советского общества консервативная революция складывалась, в свою очередь, из множества более частных революций, среди которых автор выделяет пять наиболее важных: экономическую, городскую, демографическую, культурную и политическую. Основное внимание в статье уделено двум последним. Ось всех перемен, о которых идет речь в статье, - становление в России автономной личности, ее превращение в массовый человеческий тип и переход в руки такого "нового человека" экономической и политической власти. Эти перемены начались еще в XIX в. и резко ускорились в советское время. Но, как и все другие перемены этого времени, они были консервативными, то есть внутренне противоречивыми и поэтому не могли быть завершены. Их завершение, по мнению автора, - задача постсоветского этапа развития.

1. Пять революций

Модернизация российского общества, как она понимается в настоящей статье, - это его превращение из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, авторитаристского, *ХОЛИСТСКОГО* в современное, индустриальное или постиндустриальное, городское, демократическое, *ИНДИВИДУАЛИСТСКОЕ*. Едва ли можно считать оригинальным утверждение, что эта великая социальная мутация в России была "догоняющей". Начиная, по крайней мере, с петровских реформ, Россия стремится "европеизироваться", догнать вырвавшиеся вперед западные страны, сравняться с ними по эффективности эконо-

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

мики, богатству, военной мощи, культурному уровню, развитости гражданских и политических институтов. Есть разные взгляды на результаты этих усилий. Я исхожу из того, что пик модернизационных перемен пришелся на XX столетие, и теперь он уже позади. Несмотря на все неудачи и трудности, несмотря на то, что отрыв от Запада все еще сохраняется, перевал пройден, и страна стоит уже перед несколько иной, хотя тоже непростой задачей - завершением модернизации, приспособлением социальных структур, институтов и ценностей к новому качественному состоянию общества, приобретенному в результате многих недавних перемен. Центральное место среди них принадлежало пяти развернувшимся с конца 20-х годов "революциям", или "модернизациям" (действительное их число, вероятно, намного больше, но любое обобщение вынуждает к упрощению; я выделил те, которые кажутся мне наиболее важными): экономической, городской, демографической, культурной и политической.

Экономическая революция. Смысл совершившейся в СССР экономической революции полностью раскрывается стереотипной фразой: превращение страны из аграрной в индустриальную. Едва ли стоит повторять хорошо известные данные об огромном росте промышленного производства в СССР. В середине 80-х годов он принадлежал к числу мировых промышленных гигантов, входил, нередко занимая первое место, в тройку крупнейших производителей электроэнергии, нефти, природного газа, угля, железной руды, чугуна, стали, алюминия, золота, цинка, минеральных удобрений, серной кислоты, цемента и т. д. На долю СССР приходилось свыше четверти мирового экспорта вооружения¹. Страна первой в мире вышла в космос, обладала огромной военной мощью, владела новейшими ядерными технологиями. За пять-шесть десятилетий в корне изменились важнейшие макроэкономические пропорции. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%, занятого в промышленности и строительстве выросла с 8 до 38%². Вклад в национальный доход сельского хозяйства уменьшился с 54 до 19%, промышленности и строительства вырос с 29 до 56%³.

Тем не менее СССР не был передовой промышленной державой, в его экономике все еще оставалось много архаичных черт. По доле занятых в сельском хозяйстве он был близок к таким странам, как Испания, Португалия или Ирландия, но не мог равняться с США (3% занятых в сельскохозяйственном производстве), Германией - ФРГ (5%), Францией (7%). Что касается доли занятых в промышленности, то здесь у СССР было больше сходства с развитыми странами, но при гораздо более высокой доле занятых в сельском хозяйстве это неизбежно означало неразвитость сферы услуг. В 1985 г. в СССР вклад промышленности и строительства в валовой национальный продукт составлял 45%, в США - 31. На долю сельского хозяйства в СССР приходилось 17%, в США - всего 2. Зато участие в создании валового продукта транспорта, связи, торговли и сферы услуг в СССР ограничивалось 38%, в США на их долю

¹ La puissance économique. Atlas Hachette. Paris, 1990, p. 161, 196-197.

² Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 14.

³ Вайнштейн Альб. Народный доход России и СССР. М., 1969, с. 68, 96; Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990, с. 12.

приходилось 67%⁴. Примерно таким же было и соотношение долей занятых в третичном секторе экономики СССР и США.

Отмеченные различия указывают на незавершенность экономической модернизации в СССР, однако если бы дело было только в этих количественных различиях, вопрос о завершении модернизации был бы относительно простым. Гораздо серьезнее дело обстоит с качественными отличиями от западных экономик, которые указывают на противоречивость самой советской модели модернизации. Она позволила ценой огромных усилий создать современный производственный аппарат, подобный западному, и в этом смысле многие важнейшие этапы модернизации пройдены. Однако по самой своей природе мобилизационная, централистская советская модель модернизации не была ориентирована на создание главного механизма саморазвития и саморегулирования современной экономики - рынка, без чего вся экономическая система оставалась малоэффективной, застойной. Развитие рыночных отношений - необходимое условие завершения экономической модернизации России.

Городская революция. Стремительно индустриализуясь, страна одновременно превращалась из сельской в городскую. Доля городского населения СССР увеличилась с 18% в 1929 г. до 66% в конце 80-х. Число городов-миллионеров выросло с 2 до 23, число городов-стотысячников только с 1939 по 1989 г. - с 89 до 296, доля населения одних лишь крупных городов (100 тысяч жителей и более) составила в 1989 г. 39%. Урбанизация продвинулась очень далеко, хотя говорить о ее завершенности все же было преждевременно. Среди шестидесятилетних жителей страны насчитывалось не более 15-17% коренных горожан. Среди 40-летних их было уже примерно 40%. И только среди 22-летних и более молодых - свыше половины. Но на долю этих последних приходилось 37% всего населения (меньшинство)⁵. Так что к моменту распада СССР нельзя было сказать, что советское общество стало по преимуществу городским. Жители СССР все еще в большинстве были горожанами в первом поколении - наполовину или на три четверти горожане, а наполовину или на четверть крестьяне - несли на себе печать промежуточности, маргинальности.

И снова, если бы речь шла только о количественных оценках, можно было бы утверждать, что городская революция в СССР, а тем более в России, где доля городского населения была выше среднесоюзной, в основном осталась позади. Беда, однако, в том, что советская урбанизация была во многих отношениях столь же искусственной, сколь и индустриализация. Она не сопровождалась формированием полноценной городской среды, а главное, ростом средних социальных слоев, буржуазии - естественного носителя городских отношений. Население урбанизовалось, но сами города рурализовались, становились инструментом воспроизведения социальной маргинальности. Сейчас Россия, как и многие другие бывшие республики СССР, стоит на пороге завершающего этапа урбанизации: физическое пространство бесчисленных городов должно быть наполнено новым социальным содержанием,

⁴ Народное хозяйство СССР в 1989 году, с. 675.

⁵ Вишневский А.Г. На полпути к городскому обществу. Человек, 1992, 1, с. 24.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

должна измениться социальная структура городского населения, стиль и принципы его жизни.

Демографическая революция. Экономическая революция в корне изменила условия повседневной производственной деятельности людей, городская революция - условия их повседневного социального общения. Связанная и с тем, и с другим демографическая революция изменила условия частной, интимной жизни людей, затронула глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Главными количественными индикаторами демографической революции служат показатели снижения смертности и рождаемости. К середине 60-х годов ожидаемая продолжительность жизни в СССР, по сравнению с началом века, увеличилась с 32 до 69 лет, он вошел в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью. В европейских республиках СССР соответственно снизилась и рождаемость, установился баланс рождаемости и смертности, характерный для экономически развитых стран. За этими количественными сдвигами стояли огромные качественные перемены. Коренным образом изменились демографическое и семейное поведение людей, семейные роли и ценности, положение женщин и детей, условия семейного воспитания, отношение к жизни, любви, смерти. Демографическая модернизация затронула самые глубинные структуры личности.

Однако и эта модернизация не была и не могла быть доведена до конца. Внешне она обеспечила довольно значительную конвергенцию демографического поведения и его результатов в СССР и в западных странах, совершившиеся перемены необратимы. В этом смысле многие важнейшие этапы демографической модернизации уже позади. Но низкая ценность жизни, архаичная структура причин смерти, нарастающее в течение тридцати лет отставание от Запада по уровню ожидаемой продолжительности жизни, огромное число аборт, сохранение консервативных взглядов на семейную жизнь, положение женщины и пр. указывают на то, что и демографическая модернизация не завершена. Идеологические шоры, низкий уровень благосостояния, патерналистская социальная политика, ограничение свободы передвижения, свойственные советскому периоду, по самой своей сути противоречили главному принципу, утверждающемуся в ходе демографической модернизации, - принципу свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Для того, чтобы преодолеть препятствия, возникшие на пути снижения смертности, улучшения здоровья населения, усвоения современных моделей семейной жизни, повышения территориальной мобильности населения и т. д., необходимо преодоление социокультурной маргинальности, унаследованной от советского периода, обновление всей системы ценностей, рост индивидуальной активности - только тогда демографическая революция будет завершена.

Три названные революции сыграли огромную роль в переделке российского общества в нынешнем столетии, но все-таки все перемены ими не исчерпываются. Чтобы осмыслить эти перемены во всей их полноте, надо задуматься еще над двумя революциями, может быть, и производными от трех названных, но оттого не менее важными. Речь идет о революциях культурной и политической, которым, в основном, и посвящена настоящая статья. Под *культурной* революцией в ней понимается

смена преобладающего в обществе *типа личности*, а вместе с тем и *типа культуры*, ее превращение из холистской в индивидуалистскую. **Политическая** же революция заключается в смене *типа элиты* и переходе власти в обществе к его новой элите.

Пять революций (модернизаций) суть лишь "части" или "стороны" более общего и, в конечном счете, целостного процесса радикальных социальных сдвигов, меняющих качественное состояние общества, некой единой революции, или модернизации. Основной тезис статьи заключается в том, что эта всеохватывающая революция, равно как и составляющие ее более частные революции, в том числе и те, о которых пойдет речь ниже, были в СССР **консервативными**: они обеспечивали быстрые и довольно эффективные технические и другие **инструментальные** перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства. Это предопределило противоречивый, ограниченный характер модернизационных перемен и невозможность их завершения в рамках созданной в советское время экономической и политической системы.

2. Между двух критик

Выбор такого варианта модернизации был подготовлен, даже продиктован всей послепетровской историей России и, по существу, вытекал из самой природы догоняющего развития. Оно делает неизбежными подражания, заимствования. Зачем изобретать заново ткацкий станок, железные дороги, прививку оспы или динамит, если они уже изобретены один раз? Перенос на русскую почву подобного рода технических нововведений, появившихся на Западе технологий производства, повседневной жизни, ведения военных действий можно назвать **инструментальной** модернизацией. Именно такой, по преимуществу, и была российская модернизация еще со времен Петра, который, по словам Ключевского, "взял из старой Руси государственные силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений"⁶. Кое-кто в России возражал и против таких заимствований, но все же они, как правило, не встречали большого противодействия. И многие считали, подобно Хомякову, что можно "подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными"⁷.

Таким образом, инструментальная модернизация получала свою философию, в ней виделась ни с чем не сравнимая особенность исторического пути России. Технические подражания и заимствования не исключались, но гораздо более важные "человеческие начала" в России были свои - и намного лучшие, чем на Западе, так что портить их заимствованиями ни в коем случае не следовало.

Идея соединения западного "инструментального" опыта с доморощенными человеческими началами разделялась не всеми. Не редкостью

⁶ Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937, т. 3, с. 227.

⁷ Хомяков А.. О старом и новом. В кн.: Хомяков А. О старом и новом. М., 1988, с. 41-56.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

было и убеждение в том, что, начав с технических заимствований, Россия постепенно превращается в европейскую страну во всех отношениях, так что никакого особого пути не существует. "Историческое развитие, - утверждал Милюков, - совершается у нас в том же направлении, как совершалось и везде в Европе"⁸, сходство с Европой - не подражательная цель, а "естественное последствие схождения самих потребностей" общества. "Само собой разумеется, - продолжал он, - что сходство никогда не дойдет при этом до полного тождества... Мы не должны обманывать себя и других страхом перед мнимой изменой нашей национальной традиции. Если наше прошлое и связано с настоящим, то только как баласт, тянущий нас книзу, хотя с каждым днем все слабее и слабее"⁹.

В образованной дореволюционной России было немало людей, разделявших взгляды Милюкова, но все же едва ли они были преобладающими. Похоже, что Милюков недооценивал вес "баласта прошлого". Конечно, к концу XIX века выбор России уже полностью определился, она твердо встала на путь ускоренного экономического, в том числе и промышленного развития, а тем самым и на путь безусловной всесторонней модернизации. В стране мало-помалу утверждался новый тип разделения труда, отношений между агентами экономического процесса, в конечном счете, - новый тип общества и человека. Но все это угрожало глубинным основам укоренившегося порядка вещей, его традиционной "почве". Стоявшая же на этой почве старая система отношений все еще сохраняла в России немалую жизнеспособность и силу, подкреплялась тысячелетней традицией, православной верой, мощными контрфорсами народной культуры. Конфликт двух почв, старой и новой ценностных парадигм, старой и новой культур стремительно разрастался, проникал в каждую клеточку российского общества, разрушал ее, требовал переоценки ценностей, пересмотра многих основополагающих воззрений и норм поведения, замены или обновления институтов, переделки всей жизни. Экономические успехи только обостряли этот конфликт. Они демонстрировали эффективность новых жизненных принципов, но одновременно вызвали отчаянное сопротивление почувствовавшего смертельную опасность традиционализма. В то же время обострялись и "язвы" раннего капитализма, что также давало богатую пищу для критики. В общественном сознании должен был каким-то образом уложиться целый ряд плохо совмещающихся фактов: 1) существование устойчивейшей цивилизации с привычными, понятными народу жизненным укладом, культурой, верой и т. д.; 2) вторжение цивилизации иного типа, привлекавшей все новые и новые слои российского общества и потому угрожавшей самому существованию прежнего строя жизни; 3) внутренняя противоречивость как старой, так и новой цивилизаций, легко различимые в них "положительные" и "отрицательные" стороны.

Русское общество XIX века было достаточно самокритичным. Но его самокритика, нараставшая по мере того, как разрастался его кризис, неизменно сочеталась с критикой "Запада", опыт которого либо вовсе отвергался, либо признавался лишь частично. Эти две критики сопутствовали всем поискам исторической дороги России. Их постоянное со-

⁸ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992, с. 29.

⁹ Там же, с. 30-31.

существование в общественном сознании и даже в сознании отдельных людей - выразителей общественных дум - все время подталкивало к поискам некоего третьего пути, такого будущего для России, которое было бы лишено недостатков как "допетровской традиции", так и "Запада", но соединяло бы их достоинства.

Проблема заключается, однако, в том, что и "свое", и "чужое" - это бесспорные реальности российской или европейской истории. Что бы ни думали о западной модели развития, она осуществима, что и доказано европейским опытом. В отношении же комбинированных проектов будущего таких доказательств нет. Они ладно складываются в головах идеологов, но не из чего не следует, что они осуществимы или что, осуществившись, они приведут к результату, на который рассчитывают их авторы. Статус таких проектов - это статус благих пожеланий, статус утопий. Из двух критик выросли и "органические" утопии славянофилов, и религиозно-морализаторские утопии Л. Толстого или В. Соловьева, и общинно-социалистические утопии Герцена, Чернышевского или народников. Не была исключением из общего правила и большевистская утопия. Большевики не просто унаследовали давнюю российскую традицию двух критик, но со временем довели ее до предела. Никто не осуждал с такой яростью российскую отсталость, "пережитки феодализма", царское самодержавие и т. д., и никто не демонстрировал такой враждебности Западу, заклеявшему как "буржуазный", "капиталистический", "империалистический", враждебности, сделавшейся на долгие годы чертой государственной политики СССР.

Эта двойная, временами доходившая до иступления критика, была оборотной стороной осуществлявшегося большевиками проекта модернизации России. Образ будущего, который вел большевистских революционеров, особенно после их прихода к власти, складывался из двух разнородных частей.

Первой, "инструментальной" составляющей этого образа была западная материальная цивилизация с ее промышленностью, городами, всеобщей грамотностью и т. д. Это относилось к числу "достоинств" Запада (или, что то же, капитализма) и подлежало заимствованию. Поэтому совершенно естественным образом ядром всей большевистской программы преобразования России стало ускоренное развитие индустриальной экономики как главного орудия достижения эффективности, богатства, военного могущества. Страной овладела идея превращения "из отсталой аграрной в передовую индустриальную". "...Мы доведем дело до того, - настаивал Ленин, - чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной промышленности, только тогда мы победим окончательно"¹⁰.

По-видимому, эта идея была одной из наиболее сильных сторон большевистской идеологии, обеспечившей ей очень широкую поддержку. Она отвечала историческому нетерпению обновлявшегося российского общества, все более осознававшего экономическое отставание от

¹⁰ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов 22 декабря 1920 г. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря. Полн. собр. сочинений, т. 42, с. 159.

А.Г.Вишневский
Консервативная революция в СССР

Запада, и в то же время давним вождениям "государственной мысли", озбоченной державными целями, какой бы ценой они ни достигались. Уверенно включая западную материальную цивилизацию в свой образ будущего, большевики выражали, таким образом, настроения весьма значительной части российского общества или, во всяком случае, его политически и социально активных слоев.

Так же, если не еще более определенно, обстояло дело и со второй составляющей этого образа - его эгалитаристской, псевдоколлективистской, антирыночной, антибуржуазной, антизападной, одним словом, "социалистической" утопией. Расхожее клише связывает ее с марксизмом, но ничего специфически марксистского в ней не было. "Русская мысль XIX века в значительной своей части была окрашена социалистически... Славянофилы так же отрицали западное буржуазное понимание частной собственности, как и социалисты революционного направления. Все почти думали, что русский народ призван осуществить социальную правду, братство людей. Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма, что она сможет перейти к лучшему социальному строю, минуя капиталистический период в экономическом развитии"¹¹. Ленин, возможно, был свободен от многих народнически-социалистических иллюзий, но не от представлений о капитализме как "неправде и зле" и не от веры в возможность построить в России некапиталистическое, нигде ранее не существовавшее новое общество. Оно должно было сочетать в себе материально-технические достижения Запада с экономическими и социальными добродетелями, которые на деле были очень близки добродетелям общинной крестьянской России: безденежности, безрыночности, уравнительности, помещицкому или государственному патернализму.

Большевистский проект будущего изначально имел существенные черты сходства со многими другими проектами, вызревавшими в России в предреволюционную эпоху. Как и они, он был навеян успехами Запада и в то же время уходил корнями в реальную российскую жизнь. Он складывался из двух разнородных, плохо совместимых частей, но обе они были взяты из настоящего, и иного материала ни у большевиков, ни у кого другого не было.

3. Клуб "вторых"

Приступить к осуществлению своего проекта в полном объеме большевикам удалось лишь примерно десять лет спустя после прихода к власти. Эти годы ушли не только на восстановление испепеленных войнами и революциями первичных материальных и социальных основ гражданской жизни, но и на доделку проекта и приведение его в соответствие с новыми жизненными реальностями. Такая работа понадобилась и другим ввергнутым в кризис европейским странам, и в той мере, в какой их бедствия имели ту же природу, что и российский кризис, сходными оказались и результаты этой работы, включая и политическую практику.

¹¹ Бердяев Н. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века"). Париж, 1946, с. 101-102.

В России чрезвычайно широко распространен миф о ее особом историческом пути, в частности же, о необыкновенной исключительности того, что произошло в России в XX веке. Споры нет, в развитии страны на протяжении последнего столетия явственно проявились самобытные, заданные особенностями отечественной истории черты. Их отпечаток лежит и на русском большевизме, на его видении будущего России в начале века и на его последующей эволюции. Но не меньшее, а может быть и большее значение имели некоторые универсальные процессы - их можно обнаружить при более или менее сходных исторических обстоятельствах, а именно, обстоятельствах догоняющей модернизации в очень многих странах.

Иногда полагают, что Россия открывает ряд таких стран и стала первой, "в которой материализовался специфический социальный синдром "развивающегося общества", и "была поставлена под сомнение значимость западноевропейского опыта для остального человечества"¹². Но это утверждение не бесспорно. Нередко этот ряд начинают с Германии, которой также пришлось догонять своих вырвавшихся вперед западных соседей и осознать это раньше, чем России. Германии первой пришлось находить ответы на возникшие при этом вопросы, и когда позднее с ними столкнулись другие страны, им, по словам Л. Дюмона, "пришлось либо самим придумывать сходные ответы..., либо прибегнуть к немецким рецептам, имевшимся в их распоряжении... В каком-то смысле можно сказать, что немцы подготовили наиболее легко усваиваемые версии модернизационных нововведений для вновь прибывающих"¹³.

И географически, и исторически Россия была ближе к Германии, чем многие другие страны мира, постепенно втягивавшиеся в модернизацию во второй половине XIX или в XX веке. Соответственно и связи России с Германией были более тесными и, если можно так сказать, более интимными. Русские и немцы "по сравнению с другими народами, испытали гораздо более глубокое потрясение от стремительного вторжения в их культуру того нового, что принесли с собой Просвещение XVIII в. и Французская революция... Оба народа с давних пор консервативно относились к порядкам старой Европы... В результате... запоздалого проникновения духа обновления и конфронтации с ним русско-немецкая близость, существовавшая и до этого исторического момента, приобрела особое качество и измерение"¹⁴. Хотя немцы были первооткрывателями, со временем возник немецко-русский диалог, в ходе которого шло уже не простое усвоение Россией немецких достижений, но взаимный обмен опытом, а иногда Россия даже опережала Германию.

Близость России и Германии сказывалась, в частности, в сходном видении идеального будущего. Оно было не одинаковым, а именно сходным, ибо в обоих случаях включало в себя уже упоминавшиеся разнородные основания: "материальный" модернизм и социальную архаику. Общественные настроения и в России и в Германии начала XX века все сильнее склонялись в пользу быстрого промышленного развития. Голо-

¹² Шанин Т. Корни инакости. В кн.: Иное. Т. 1. М., 1995, с. 377.

¹³ Dumont L. Homo aequalis, II. L'ideologie allemande. Paris, 1991, p., 43.

¹⁴ Рормозер Г. К вопросу о будущем России. В кн.: Россия и Германия. Опыт философского диалога. М., 1993, с. 26.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

са критиков индустриализма постепенно заглушались голосами его поклонников, нередко чрезмерных. Но так как индустриализм здесь был запоздалым и заимствованным, он воспринимался как нечто отдельное от "западной" социальной почвы, которая его вскормила и отношение к которой оставалось весьма критическим. Если что и можно было заимствовать на Западе, так это его техническую "цивилизацию", но отнюдь не упадочническую "культуру". Модернизация не осознавалась во всей ее сложности, как многосторонняя и глубинная перестройка всего социального тела, а становилась чуть ли не синонимом одного лишь промышленно-технического прогресса, который можно сочетать с сохранением социальной архаики.

Такому видению модернизации как раз и отвечала идеология консервативной революции, развитая в Германии, но отчасти также бывшая плодом русско-немецкого диалога. По утверждению автора фундаментального исследования вопроса А. Молера, само это понятие встречается у Самарина и Достоевского и впервые было употреблено в немецкой книге в 1921 г. в статье Томаса Манна "Русская антология"¹⁵. Совокупность идей, объединяемых понятием "консервативная революция", активно разрабатывалась группой немецких интеллектуалов после Первой мировой войны, по словам французского историка Л. Дюпе, в 20-е годы именно "консервативные революционеры", а не нацисты "формировали доминирующую контридеологию эпохи"¹⁶. Но их взгляды несомненно стали одним из главных идейных источников немецкого национал-социализма. Впоследствии пути "консервативных революционеров" и массового национал-социалистического движения разошлись, что дало основание Молеру назвать их "троцкистами национал-социализма"¹⁷.

В концепции "консервативной революции" отразилось немецкое прочтение германских и европейских реальностей, сложившихся после Первой мировой войны, которые воспринимались как свидетельство полного краха унаследованной от Французской революции идеи социального прогресса и доказательство того, что надежной опорой обществу могут служить только "вечные", не знающие никакого прогресса начала. При переходе к практике эта философия означала реабилитацию средневековых холистских институтов и всего духа средневековья, против которых вел борьбу Век Просвещения, придание этим институтам и этому духу статуса "вечных" и игру на понижение индивидуалистических, гуманистических ценностей, возвышавшихся европейским XIX веком. Речь, однако, шла не о полном возврате к XVIII веку, а лишь, согласно формуле Шпенглера, о приспособлении социального организма, проникнутого духом XVIII века, к духу XX-го¹⁸. Консервативные революционеры "не скупилась на то, что можно назвать поклонами в сторону прежнего доиндустриального общества, аристократии..., особенно же крестьянства, неизменно представляемого - и, конечно, с искренним

¹⁵ См.: Mohler A. La revolution conservatrice en Allemagne (1918-1932). Puisseaux, 1993, p. 32,236.

¹⁶ Dupeux L. Histoire culturelle de l'Allemagne 1919-1960. Paris, 1989, p. 45.

¹⁷ Mohler A. Op. cit, p. 26.

¹⁸ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин, б.д., с. 27.

убеждением - как источник силы"¹⁹. Но "в XX веке истинная основа мощи - это промышленность. "Сталь" берет верх над "кровью". Наиболее проникательные "консервативные революционеры" хорошо это знали и не стеснялись об этом говорить"²⁰. В этом смысле они и были "революционерами", сторонниками модернизации, но она воспринималась ими лишь как "функциональный эквивалент" модернизации западного типа и приобретала чисто инструментальный характер"²¹.

Хотя в мировоззрении "консервативных революционеров" многое определялось естественной ностальгией по прошлому, интерес, проявленный к нему политиками, говорит о том, что дело было не только в ностальгии, а предлагавшаяся ими стратегия инструментальной модернизации не была лишена прагматического смысла. Какие-то важные устои средневековья все еще не исчезли даже и в центре Европы, сохраняли жизнеспособность и могли служить опорой людям политического действия, порой - в большей мере, чем относительно слабые институты гражданского общества. Выход из европейского кризиса виделся им в возвращении отбившегося от стада индивидуального человека к его прежнему холистскому бытию и наступлении "нового средневековья". Это ощущение было особенно сильным в тех случаях, когда оно подкреплялось новейшим опытом стран более позднего капитализма, таких как Германия, Италия и, конечно же, Россия. При всех огромных различиях между ними, в их повседневной политической практике проступали очень похожие черты, говорившие о глубинном, внутреннем сходстве в структуре и состоянии обществ "второго эшелона" европейского капитализма, этого созданного историей "клуба вторых".

Если ставка на сохранение и даже возрождение средневековых институтов имела определенные основания в Европе, то тем более они были в России, где многие элементы средневековья сохранялись в почти нетронутом виде. Послереволюционная Россия вызывала симпатии многих европейских, особенно же немецких интеллектуалов и политиков, в том числе и весьма далеких от марксизма, видевших в большевизме, в первую очередь, проявления "органичности" русской народной жизни и оплот антизападничества. В свою очередь, идеи "консервативной революции" и близкие к ним встречали большой интерес в русской эмигрантской интеллектуальной среде, где шла напряженная работа по осмыслению феномена Русской революции. Здесь со времен "Смены вех" (1921 г.) вызревали новые проекты для России, нередко откровенно антизападные, проникнутые духом "нового средневековья" - корпоративизмом в духе итальянского фашизма, культом авторитарного государства, официальной религиозности и пр. Порой они напоминали "антиутопии" Достоевского, вложенные им в уста Шигалева или Ивана Карамазова, и в то же время отражали несомненное одобрение того направления, в котором двигался большевистский проект. "Формально, - свидетельствовали о своем собственном проекте

¹⁹ Dupeux L. "Revolution conservatrice" et modernite. In.: La revolution conservatrice Allemande sous la Republique de Weimar. Paris, 1992, p. 25.

²⁰ Ibid.

²¹ Goedel D. Moeller van den Bruck: une strategie de modernisation du conservatisme ou la modernite a droite. In.: La revolution conservatrice Allemande sous la Republique de Weimar, p. 58-59.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

"евразийцы", - нечто подобное... представляет собой итальянский фашизм...; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики"²².

Если диалог европейских и русских эмигрантских интеллектуалов в 20-е годы кажется вполне естественным, то ни о каком прямом диалоге тех или других с советскими идеологами или политиками в то время говорить не приходилось. А между тем советская действительность и в самом деле нередко соответствовала выводам, оценкам, а порой и симпатиям "буржуазных", "фашистских" и т. п. авторов. И дело было, конечно, не в их "подсказке", а в том, что и мысли теоретиков, и действия практиков были навеяны одной и той же реальностью, а в главном она не оставляла большого места для разночтений. Модернизация в России могла опираться только на те социальные силы, которые были в то время в наличии, - силы, все еще очень архаичные, "средневековые". Поэтому такая модернизация могла быть только "консервативной", основанной на организационных формах, соответствовавших внутреннему состоянию раннего советского общества.

К этому "классические" большевики готовы не были. Противоречивость их первоначального проекта, обусловленная разнородностью двух уже названных его частей, усиливалась свойственным русской социал-демократической идеологии дореволюционной поры пиететом по отношению к наследию века Просвещения и Французской революции, их ценностям. Это придавало большевизму "прогрессистский", "западнический" характер и, вообще говоря, требовало не только "инструментальной" модернизации, но и обновления всей системы общественных отношений, принятия принципов индивидуализма, экономического и политического либерализма и пр. Подобные принципы не слишком вязались с навеянными средневековыми фантазиями образами фаланстеров будущего, в той или иной мере маячившими перед мысленным взором большевиков, но пока шла теоретическая игра, на это можно было закрывать глаза. Когда же дело дошло до реализации проекта, обнаружилось, что близкие узкому кругу социал-демократической интеллигенции западные политические и экономические понятия были чужды массовому российскому сознанию и мало соответствовали реальностям российской жизни, для которой предназначался проект. Если Россия и готова была принять большевика, то не в западном платье, а таким, каким он изображен на картине Кустодиева "Большевик" (1920) или в стихах Клюева: "Есть в Ленине керженский дух, // Игуменский окрик в декретах" (1918).

Ленин попытался вырваться из заготовленной историей ловушки с помощью НЭПа, но ловушка уже захлопнулась. От Ленина ждали игуменского окрика, а не "невидимой руки" рынка. В России, комментировал ситуацию начала 20-х годов Шпенглер, "покоятся друг на друге два хозяйственных мира, верхний, чужой, результат цивилизации, проникшей с Запада, и ферментом которому служит вполне западноевропейский большевизм первых его лет, и внегородской, живущий только в низах... Русское простонародье примирится с хозяйственными приемами Запада..., но внутренне не примет в них участия"²³. Шпенглер оказался

²² Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 395.

²³ Шпенглер О. Деньги и машина. М., 1922, с. 59.

прав. По своему объективному состоянию российское общество 10-х - 20-х годов не было способно к осуществлению такого "западнического" проекта, каким был НЭП, ибо не располагало отвечающими ему механизмами социальной консолидации и мобилизации. Соборный человек - тогда все еще самый массовый тип человека - не мог быть "подключен" к зарождавшейся в дореволюционной России, но пока недостаточно развитой системе либеральных экономических и политических отношений, имел разные с ней "конфигурации", говорил на разных языках, жил в разных мирах.

Политикам, оказавшимся у власти и столкнувшимся с сопротивлением "социального материала", пришлось срочно дорабатывать исходный проект. В среде новой политической элиты развернулась борьба за власть, которая одновременно была и борьбой за более реалистический в тех экономических и политических условиях вариант развития. У России, а значит и у любой российской власти не было иного пути, как продолжать линию модернизации и догоняющего развития, которая определилась еще в петровские времена. Революция могла лишь подхлестнуть движение в том же направлении. Но модернизация - и не только в России - всегда борьба: между двумя эпохами, двумя способами существования, двумя типами общества. Деятельность Петра I вполне может быть описана словами Ленина: "упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества"²⁴. В этих словах, сказанных о диктатуре пролетариата и считавшихся чуть ли ни ее дефиницией (но пролетариат в них даже не упоминается), Ленин выступает как пророк модернизации, понимаемой именно как борьба. И в них же звучит: "силы и традиции старого общества" еще очень могутущественны. Усиленный революцией порыв российского общества к обновлению был мощным, но и противодействие, консервативная защитная реакция были немалыми. С этим нельзя было не считаться, и развитие пошло по единственному доступному тогда пути - пути компромисса нового и старого. "Тоги" французских революционеров довольно быстро слетели с плеч русских большевиков - нередко вместе с головами, и стало ясно, что в России 20-х годов жизнеспособной могла быть только такая стратегия преобразований, которая позволяла сочетать действительно революционную "инструментальную" модернизацию с консервированием многих основополагающих традиционных ценностей и опорой на них.

В СССР этот вывод никогда не был сформулирован в явном виде. Положительное отношение к идеям и людям Просвещения и Французской революции неизменно декларировалось во всех советских учебниках вплоть до последнего дня существования СССР. Слова "революция", "демократия", "гражданские свободы", "интернационализм" и пр. никогда не исчезали с советских знамен. Но реальная советская история говорит о том, что к концу 20-х годов необходимый выбор был сделан и что это был именно "консервативно-революционный" выбор, в целом отвечавший условиям места и времени.

²⁴ Ленин В.И. Детская болезнь "левизны" в коммунизме. Поли. собр. сочинений, т. 31, с. 27.

4. Соборный человек

"Мы хотим, - писал Ленин в 1919 г., - строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены"²⁵. Что же это был за материал?

Пытаясь осмыслить особость России и ее исторического пути, один из основоположников славянофильства А. Хомяков развивал идею соборности, утраченной Западом, но сохранившейся в русском православии. Концепция соборности подчеркивала целостность, догматичность коллективного сознания, его неделимость, "единство во множестве"²⁶. Учение Хомякова о соборности было философским, богословским, а не социальным. Г. Флоровский возражал П. Флоренскому, "который в учении о "соборности"... угадывает только маскированный социализм"²⁷. Но, по-видимому, оно все же дало толчок для более расширительных, в том числе и "социалистических" толкований. "Хомяковская идея соборности... имеет значение и для учения об обществе. Это и есть русская коммунитарность, общинность, хоровое начало, единство любви и свободы, не имеющее никаких внешних гарантий"²⁸.

В развитии идеи соборности, в которой сегодня нередко видят чуть ли не главное средоточие "русскости", с самого начала слышна уже знакомая нам русско-немецкая перекличка. Бердяев, Флоровский указывали на вероятную связь идей Хомякова с книгой немецкого автора Мелера "Единство в Церкви или начало соборности"²⁹. Речь идет, разумеется, не о заимствовании, а о "духовной встрече" Хомякова с Мелером, принадлежавшим "к тому поколению немецких католических богословов, которые ведут в те годы внутреннюю борьбу с веком Просвещения"³⁰. По-видимому, концепция "соборности" возникает не случайно, служит осмыслению одного из основополагающих звеньев холистской, коллективистской системы ценностей в переломную эпоху, когда она вынуждена принять исторический вызов ереси индивидуализма и мобилизовать на свою защиту все силы традиционной культуры.

Смысл соборности раскрывается обычно через ее противопоставление принципу автономии личности, индивидуализму и пр. "Есть два типа самочувствия и самосознания - индивидуализм и кафоличность", - писал Флоровский³¹. Именно кафолическим, соборным самочувствием и

²⁵ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн. собр. сочинений, т. 38, с. 54.

²⁶ Хомяков А. Письмо о значении слов: "кафолический и соборный". В кн.: А. Хомяков. Сочинения. Богословские и церковно-публицистические статьи, Пг. 1915, с. 252.

²⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937, с. 278.

²⁸ Бердяев Н. Русская идея, с. 53.

²⁹ Moehler J.A. Die Einheit in der Kirche oder das Prinzip des Catholicismus. 1825. Как замечает Флоровский, "всего точнее передавать здесь термин "католицизм" именно словом "соборность"" (Флоровский Г., цит. соч, с. 278-279). Хомяков тоже писал о тождественности понятий "кафолический" и "соборный", ссылаясь на авторитет Кирилла и Мефодия. (См. Хомяков А. Письмо о значении..., с. 248, 251).

³⁰ Флоровский Г. Цит. соч., с. 279.

³¹ Там же, с. 506.

самосознанием проникнуты, например, слова Киреевского. "В России формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа... Никакая личность... никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением основного духа общества"³². Этому противопоставляется "весь частный и общественный быт Запада", ибо он "основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости... Первый шаг каждого лица в обществе есть окружение себя крепостью, изнутри которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями"³³. Таким образом, логика соборной идеи вела к осмыслению определенного *человеческого типа*, которому русские поборники этой идеи придавали значение типа *национального*.

Нельзя, однако, постоянно не замечать, что эта логика была близка не одним только русским и что своего, неиндивидуалистического, холистского, соборного человека искали и находили и на Западе. "Не "Я", но "Мы", коллективное чувство, в котором каждое лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а все за всех",- формулирует Шпенглер много лет спустя после Киреевского сущность прусской идеи, противопоставляя друг другу личную независимость и сверхличную общность - ныне, пояснял он, их называют индивидуализмом и социализмом³⁴. Активное противостояние индивидуализму во имя сохранения традиционного холистского миропонимания типично для всех современных развивающихся стран. По-видимому, соборный человек - вовсе не национальный, а универсальный человеческий тип, складывающийся во всех аграрных, крестьянских обществах, каким и было еще русское общество XIX века.

У соборного человека своя картина мира, свой универсум ценностей. Каждая ячейка его мироздания и все оно в целом имеют моноцентрическое, пирамидальное строение, и вершина любой пирамиды всегда важнее всех других ее частей, от нее исходят порядок и власть. Социальная иерархия может быть чрезвычайно сложной, но человеческая личность рассматривается как нечто очень простое, внутренне нерасчлененное, как неделимый атом общества. Отсюда и относительная простота, недифференцированность постигающего социальную реальность общественного сознания, его синкретизм. Для соборного человека, как для толстовского Платона Каратаева, "жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл как частица целого, которое он постоянно чувствовал". Соборное сознание не стремится к пониманию внутренней сложности и противоречивости природного и социального мира, позволяет видеть мир только целостным, осмысливать только нерасчлененными блоками. Синкретический менталитет не допускает анализа, социальной самокритики, оценивать для него значит морализировать. Он требует веры, делает

³² Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979, с. 286-287.

³³ Там же, с. 147.

³⁴ Шпенглер О. Прусская идея и социализм, с. 54.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

возможным истолкование всего сущего только в терминах добра и зла, истинных и неистинных ценностей и т. п.

Разумеется, соборность - лишь идеальный принцип, который даже и в классических холистских обществах реализуется только с некоторым приближением, с неизбежными нарушениями, искажениями и пр. Но именно как принцип она соответствует требованиям традиционного "внешнего" социального контроля в простых обществах и потому сохраняет для них значение идеала, отраженного в той или иной форме во всех главных социальных установлениях. Так было и в России - до тех пор, пока экономические и прочие перемены не подорвали "власть земли" и не поставили под сомнение сам соборный идеал. Глеб Успенский, быть может, самый глубокий знаток русской пореформенной деревни, высоко ценил образ Платона Каратаева как воплощение народного, крестьянского типа. Но, обращаясь к нему, он всякий раз добавлял свои краски, которые лишали его благостности, так умилившей Пьера Безухова. "Мать-природа, воспитывающая миллионы нашего народа, вырабатывает миллионы таких типов, с одними и теми же духовными свойствами. "Он - частица", "он сам по себе - ничто", "он любовно живет со всем, с чем сталкивает жизнь", и "ни на минуту не жалеет, разлучаясь"... Такая частица мрет массами на Шипке, в снегах Кавказа, в песках Средней Азии... Все может Платон: "Возьми и свяжи... Возьми и развяжи", "застрели", "освободи", "бей" - "бей сильней" или "спасай", "бросайся в воду, в огонь для спасения погибающего!" - словом, все, что дает жизнь, все принимается, потому что ничто не имеет отдельного смысла, ни я, ни то, что дала жизнь... В Крымскую войну таких Платонов умирало без следа, без жалобы - тысячи, десятки тысяч... Сотни тысяч их умирает ежегодно по всей России - безмолвно, безропотно, как трава, и сотни тысяч, так же как трава, рождаются"³⁵.

Страна нуждалась в ускорении перемен, в обновлении, но их было "некем взять", в многолюдной России не хватало людей. "Люди, люди - это самое главное, - писал Достоевский. - Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выдвываются... Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельную жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее - одним словом, образуется всюю историческою жизнью страны... Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно"³⁶.

Слова Достоевского так же, как и горькие размышления Г. Успенского, отражали, по-видимому, нараставшее общественное ощущение: массовый соборный человек, "человеческий материал" уже не соответствовал требованиям времени. Люди, конечно, менялись. В той мере, в какой модернизация затронула дореволюционную Россию, она диктовала свои условия и всему обществу, и каждому человеку. Торгово-промышленное и городское развитие требовало изменения типа межличностных связей и социального контроля, а значит, и смещения от холизма к индивидуализму - от общества приводных ремней, где им-

³⁵ Успенский Г. Власть земли. Собр. соч. в 9 томах, т. 5. М., 1956, с. 200-201.

³⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Поли. собр. соч. в 30 томах. М.-Л., т. 21, с. 93.

пульсы движения в социальном поле поступают к каждому с вершины пирамиды, из центра того или иного уровня, к обществу людей, обладающих "встроенными" автономными двигателями и индивидуальной системой целеполагания. Это означало конец соборного человека. Но скорость перемен никого не удовлетворяла. Только одни считали, что ускорять их "никак невозможно", - как Достоевский. Другие же хотели действовать "немедленно", - как Ленин.

5. Автономная личность: "лишний человек" и "мыслящий пролетарий"

Сам факт рефлексии по поводу соборности у Хомякова или Киреевского говорит о том, что время, когда она казалась естественной, как воздух, и потому не нуждалась в обсуждении, миновало не позднее первой половины XIX в. Уже тогда давно начавшееся подтачивание соборного идеала в России приобрело характер вызова, брошенного обществом новым типом людей, далеко отошедших от соборной нормы.

Появление их было естественным ответом на усложнение материальной и социальной среды, в которой жил европейский человек Нового времени, структуры его деятельности, недавно еще относительно простой и синкретической. Новой, дифференцированной, расчлененной структуре мира должна была соответствовать и новая, по-иному структурированная человеческая личность. Она вызревала в Европе несколько веков, и одновременно менялись европейские культурные горизонты, освященные культурой картина мира и образ человека. С заметным опозданием время распада синкретического образа мира и синкретического соборного сознания, время "нового человека" наступило и в России. Поворотный пункт - пушкинская эпоха, когда, по словам Белинского, "сближение с Европою должно было особенным образом отразиться в нашем обществе, - и Пушкин ... уловил это отражение в лице Онегина"³⁷. Анна Ахматова писала о том, что "Евгений Онегин" был первым появлением в русской литературе психологического романа³⁸, а все творчество Пушкина и писателей его круга - свидетельство того, как культура осваивала новые для нее "разнообразие страстей, тонкие до бесконечности оттенки чувств, бесчисленно многосложные отношения людей, общественные и частные", какие "может подготовить только сильно развивающаяся или развившаяся цивилизация"³⁹.

Уже в первой четверти XIX в. русская культура восприняла ценности аналитического, критического, скептического, рационального мышления и ценности интимного, лирического чувствования, а в какой-то мере и ценности целерационального действия. Образование, литература, искусство, наука, сама жизнь стали воспроизводить и развивать эти ценности, распространять их в расширяющейся общественной среде. Все больше людей воспитывалось в новом культурном климате, который требовал и новой внутренней среды человеческой личности - сознания

³⁷ Белинский В. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Белинский В.Г. Собр. соч. в трех томах. М., 1948, т. 1., с. 625.

³⁸ Ахматова А. О Пушкине. Л., 1977, с. 62-63.

³⁹ Белинский В. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. Белинский В.Г. Собр. соч. в трех томах. М., 1948, т. 3., с. 498.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

и психики, способных ориентироваться в разъятом на части, противоречивом и быстро меняющемся мире и, благодаря наличию внутренней доминанты, отображать его как нечто целостное. Все это усложняло и обогащало личность, а потому и повышало ее независимость, способность к автономному плаванию в житейском море. Оно и понятно: чем сложнее система, тем она гомеостатичнее, тем больше самоорганизуется и меньше зависит от управляющих воздействий извне.

Было две причины появления нового человека в России: усложнение самой российской жизни и европейские влияния. Первоначально главной была вторая из этих причин. Через воспитание на западный манер весьма немногочисленные дворянские и околдворянские круги "с поспешностью измены"⁴⁰, как выразился Герцен, восприняли западные культурные достижения и первыми почувствовали себя новыми людьми. "Отщепенцы всех сословий, эти новые люди, эти нравственные различинцы составляли не сословие, а среду"⁴¹, в которой и совершался самый важный в русской истории сдвиг: складывался новый человеческий тип - противоположная соборной автономная личность. Эта среда служила лабораторией, в которой осмысливались проблемы новой, несоборной, индивидуалистической культуры. Придуманное Боборыкиным в 60-е годы прошлого века слово "интеллигенция", собственно, и указывает на эту среду "новых" людей, не просто образованных, - образованные люди были в России и прежде, но мыслящих и чувствующих по-новому и, самое главное, живущих под небом каких-то иных ценностей. Многими чертами русский интеллигент уже и есть та автономная личность, которую создало докатившееся теперь и до России западное развитие.

Та - да не та. Ибо полная автономизация и переход из мира, в котором каждое действие было подчинено готовой синкретической норме, в мир, где цели и средства деятельности разделены и все действия "целерациональны", давались русской интеллигенции нелегко. В пору вызревания автономной личности в Западной Европе, особенно в тех ее частях, которые пережили Реформацию, очевидная роль экономических успехов придала особую важность одной из обособившихся человеческих ипостасей - экономической, все остальные были оттеснены на второй план. Новый человек стал восприниматься прежде всего как *человек экономический*, Homo economicus. Обособление и доминирование Homo economicus среди других человеческих личин сильно способствовали развитию ценностей рационализма и утилитаризма, с которыми был связан экономический успех. Но даже во времена наивысшего триумфа этого человеческого типа экономическая ипостась была не более, чем первой среди равных. В самой многоролевой, многоипостасной структуре личности нового человека было заложено противодействие против чрезмерного преувеличения одной из ролей, неизбежность конкуренции ипостасей, а значит, и возможность перераспределения "весов" и достижения новой гармонии сильно усложнившейся внутренней среды личности. В этом - главный выигрыш Нового времени: многократно возросшие гибкость и эффективность деятельности, богатство и полнота

⁴⁰ Герцен А.И. Письма издалека. М., 1984, с. 294.

⁴¹ Там же, с. 298.

жизни. В этом же, впрочем, и его главная культурная проблема - восстановление утраченной целостности картины мира и самой личности.

Когда русские дворяне стали заимствовать на Западе привлекавшие их культурные образцы, они имели дело уже с готовым результатом многовекового развития. Самостоятельной школы экономического человека Россия не прошла, и синкретизм здесь все еще проявлял удивительную жизнеспособность, потому что была жива питающая его почва - традиционная жизнь крестьянского большинства народа. Медленно отступая под натиском утилитаризма, синкретическое миропонимание долгое время сохраняло господствующее положение, продолжая влиять и на ту - намного меньшую - часть общества, которая уже осваивала рационалистическую и утилитаристскую оптику. Даже в радикальных декларациях сторонников новых ценностей разум и чувство, выгода и мораль все еще рассматриваются просто как разные "стороны" нерасчленимого целого. "У новых людей добро и истина, честность и знание, характер и ум оказываются тождественными понятиями; чем умнее новый человек, тем он честнее, потому что тем меньше ошибок вкрадывается в расчеты. У нового человека нет причин для разлада между умом и чувством, потому что ум, направленный на любимый и полезный труд, всегда советует только то, что согласно с личной выгодой, совпадающей с истинными интересами человечества и, следовательно, с требованиями самой строгой справедливости и самого щекотливого нравственного чувства"⁴².

Новый русский человек все еще не мог окончательно сбросить с себя оболочку человека "ветхого", не мог взглянуть на общество, в котором жил, отстраненным критическим взглядом. Но и отступить от заимствованных ценностей рационализма и утилитаризма уже нельзя было, - они обладали неодолимой силой, ибо были внутренне связаны с эффективностью деятельности. Отсюда - постоянные угрызения совести интеллигенции, не находящей в себе той "простоты и правды", какая виделась ей в крестьянской жизни, отсюда - "непостижимость" этой жизни и запоздалый крик души - тючевское "умом Россию не понять!". Утилитаризм и рационализм русской интеллигенции был еще нетвердым, непрочным и легко мог превратиться - порой, даже у одного и того же человека, - в свою противоположность, в слепое иррациональное следование обычаю, религиозной или политической догме.

Целое столетие внимание культуры, ее творческая энергия были прикованы к этому слою людей, которые думали, чувствовали и действовали по-новому, являя миру примеры вполне "европейского", индивидуалистического, целерационального, "буржуазного" поведения, но в то же время и невероятное, необычное для Запада смятение их расколотого "Я". Все они одновременно и в настоящем - с его деньгами, расчетами, страстями, поисками свободы, верой в знание, и в прошлом - с его смирением, самоотречением, готовностью к опрощению, исканиями Бога, преувеличенными угрызениями совести и неправдоподобными раскаяниями. Их новое, индивидуалистическое мироощущение входит в неразрешимый конфликт с соборной нормой, бунтует против нее и никак не может с нею порвать.

⁴² Писарев Д. Мыслящий пролетариат. Писарев Д.И. Сочинения, т. 4. М., 1956, с. 24-25.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

Становление автономной личности - главное звено "переворачивания" мира, его превращения из "общинноцентрического" в "человекоцентрический", перехода от закона "человек для..." к закону "...для человека". Оно остро ставит проблему самосознания человека, его отказа от растворения в социуме и ответственности перед самим собой, порождает ощущение, хорошо выраженное в стихах Марины Цветаевой: Никто в наших письмах роясь, // Не понял до глубины, // Как мы вероломны, то есть - // Как сами себе верны. Русская культура в ее наиболее глубоких проявлениях приняла это "переворачивание", признала самоценность и нравственную автономию личности. Но именно эта новая обращенность человека на самого себя ставит главные вопросы, занимавшие русскую мысль на рубеже веков.

"Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - писал Кант, - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне"⁴³. Загадка внутреннего нравственного закона встала перед русской культурой позднее, чем перед западноевропейской. Напряженные поиски "своей" разгадки были одновременно и поисками нравственного идеала, что нередко придавало культуре миссионерский, проповеднический характер. Это особенно хорошо видно на примере таких первостепенных для русской культуры фигур, как Толстой и Достоевский. Они вели свои поиски и свою проповедь с позиций христианства, но, если воспользоваться марксистским представлением о религии как об иллюзорном отражении в головах людей земного мира, то можно сказать, что христианство Толстого или Достоевского было отражением нового, человекоцентрического мира, в противовес отражению мира общинноцентрического, соборного, которое лежало в основании официального православия и массового религиозного сознания. Это позволяет по-иному взглянуть и на привычное противопоставление теоцентризма антропоцентризму. Теоцентрический мир может быть конгруэнтен, подобен общинноцентрическому, и тогда он находится в глубоком противоречии с человекоцентрическим земным миром. Но если он подобен этому последнему, то между ними нет противоречия. За такой теоцентризм, по существу, и боролись Толстой и Достоевский. Позднее о том же говорил Бердяев. "Человек должен быть "теоцентричен" и организовать себя на божественном начале...; общество же должно быть "антропоцентрично" и организовываться на начале человечности"⁴⁴.

И Толстой, и Достоевский видели две главные опасности, подстерегавшие нравственного человека: соблазн эгоистического индивидуализма, вседозволенности и соблазн рабского растворения в "беспорном, общем и согласном" человеческом муравейнике. В первом случае, писал Толстой, "человек признает себя самодовлеющим существом, живущим в мире для приобретения в нем наибольшего возможного личного блага, независимо от того, насколько страдает от этого благо других существ". Во втором - "значение жизни признается не в благе одной отдельной личности, а в благе известной совокупности личностей: семьи, рода, народа, государства, даже человечества... Смысл жизни

⁴³ Кант И. Сочинения в шести томах, т. 4, ч. 1, с. 499.

⁴⁴ Бердяев Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Собр. соч., т. 1. Paris, 1949-1983, с. 322.

при этом... переносится из личности в семью, род, народ, государства, в известную совокупность личностей, благо которой и считается при этом целью существования"⁴⁵. Истинное же христианство, согласно Толстому, требует, чтобы смысл жизни признавался человеком "уже не в достижении своей личной цели или цели какой-либо совокупности людей, а только в служении той Воле, которая произвела его и весь мир для достижения не своих целей, а целей этой Воли"⁴⁶. Для нас здесь важно указание на наиндивидуальный источник человеческих ценностей, более абстрактный и более отдаленный, чем непосредственно контролирующее поведение каждого человеческие коллективы, ибо тем самым как раз и признается автономность личности, опирающейся на внутренний, читай, полученный с какого-то очень высокого наиндивидуального уровня нравственный закон.

С этой точки зрения, разные ответы на вопрос о природе наиндивидуального нравственного закона, как "метафизические", так и "физические", материалистические по сути не так уж сильно различаются. Как писал Дюркгейм, "Кант постулирует Бога, потому что без этой гипотезы мораль непонятна. Мы постулируем общество, специфически отличающееся от индивидов, иначе мораль оказывается без объекта, долг - без точки приложения... Нужно выбирать между Богом и обществом... Этот выбор оставляет меня довольно равнодушным, так как в божестве я вижу лишь общество, преобразованное и осмысленное в форме символов"⁴⁷. Если не те же, то созвучные мысли высказывались и в России. Говоря о "христианской идее этической равноценности и нравственной автономии" всех людей, С. Булгаков утверждал в начале века, что "в этом смысле новейшая европейская культура есть культура христианская, и основные постулаты этики христианства сливаются с основными постулатами учений современной демократии, экономической и политической, до полного отождествления"⁴⁸.

Идея самоценности и нравственной автономии личности, может быть и утвердившаяся уже в "новейшей европейской культуре", и духовной, и светской, казалась далеко не столь очевидной в российских пределах, ибо в корне противоречила все еще господствовавшей здесь соборной идее, принципу "человек для...". Потому и понадобилась такая напряженная и драматическая борьба за утверждение нового для России личностного идеала, отстаивание его в очень глубоком смысле, свободном от влияния "текущих", сиюминутных проблем. Отстаивался *принцип*, и в этом непреходящее значение русских интеллектуальных и духовных исканий конца прошлого - начала нынешнего века. Плоды этих исканий вошли в русскую культуру навсегда. Выработанный ею идеал неотменим. Даже если на всю Россию, на деле, не окажется ни одного свободного человека, все равно идеал автономной самоценной личности не исчезнет с ее нравственного небосклона, как не исчезнут звезды со

⁴⁵ Толстой Л.Н. Религия и нравственность. Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, т. 18. М., 1913, с. 115-116.

⁴⁶ Там же, с. 116.

⁴⁷ Durkheim E. Sociologie et philosophie. Paris, 1963, p. 74-75.

⁴⁸ Булгаков С. Иван Карамазов в романе Достоевского "Братья Карамазовы" как философский тип. В кн.: О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991, с. 210.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

звездного неба. Но всех вопросов, порожденных ускорившимся превращением автономной личности в массовый человеческий тип в России, выработка идеального эталона такой личности, разумеется, еще не решала.

6. Автономная личность: "грядущий хам"

Пока "новый человек" в России всходил на западных дрожжах в колбе дворянской и околдворянской среды, это не могло поколебать принципов соборности, которыми жил "народ", т.е., по преимуществу, крестьянство. Все искания русской культуры XIX - начала XX в. были освещены и освящены вопросами, рождавшимися внутри переломной социокультурной среды, составлявшей меньшинство народа. К ней же была обращена и проповедь Толстого или Достоевского. Остальная Россия, пресловутые "девять десятых" ее населения, находилась, как казалось, где-то в стороне от интеллигентских вопросов и исканий.

Между тем в XIX в., особенно во второй его половине, экономическая и социальная жизнь России, включая и ее деревню, быстро усложнялась, и набирал силу уже не заемный, а свой собственный механизм перевертывания соборного мира, действовавший теперь не в ограниченной среде, а на всем социальном поле России. Это породило быстро разрастающийся кризис соборности, ибо ее принципы уже не соответствовали логике социального существования нарождавшегося *массового* человеческого типа. Соприкоснувшись с новой жизнью, люди "из народа" начинали осваивать ценности личностной автономии, приобретать черты индивидуализма, эгоизма, предприимчивости, рациональной расчетливости, в каком-то смысле тоже становиться "новыми людьми". Но и соборные начала русской жизни и русской культуры были очень сильны и не могли уйти с исторической сцены без сопротивления.

Это сопротивление шло "сверху" и "снизу". Сверху, - т.е. из высших слоев общества, в частности, и от интеллигенции. "Новый человек", каким он сложился в России XIX в., хотя сам во многом уже не был "соборным", продолжал жить в дворянско-крестьянском мире, покоившемся на соборных основаниях. В большинстве случаев у него не было причин хотеть их разрушения, и это порождало странное искривление зрения даже у самых проницательных людей.

Богатые аристократы у Толстого извлекают нравственные уроки из прикосновения к народной жизни. Соборный Платон Каратаев навсегда остался для Пьера Безухова "непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды". Но речь всегда идет об односторонних уроках. А разве бесчисленные Каратаевы не извлекали своих уроков из подобных встреч? Разве русскому крестьянину было на роду написано навечно оставаться "непостижимым, круглым и вечным", не замечая вблизи себя всего того, чего у него самого не было: власти, богатства, образованности, праздности, всей этой совершенно другой, соблазнительно свободной и легкой жизни? Разве не могли и у крестьян зародиться стремления разбогатеть, стать столь же свободными, получить образование, перенять привычки и нравы высших классов, их духовную жизнь? Так вопрос у Толстого не стоит. Пьер должен учиться у Каратаева, не переставая все же быть образованным человеком с богатой духовной жизнью, а Каратаев вполне может оставаться Каратаевым.

Ибо интеллигенту нужно искать смысл жизни, а "русский полуграмотный мужик-сектант без малейшего усилия мысли признает смысл жизни в том самом, в чем его полагали величайшие мудрецы мира: Эпиктеты, Марки Аврелии, Сенеки, - в сознании себя орудием воли Божией, сыном Бога"⁴⁹.

Вера в незыблемость, вечность старинного типа соборного крестьянина в России была глубоко укоренена в общественном сознании. Не только славянофилы, но и западники, как правило, не посягали на традиционный соборный идеал и в своих проектах будущего связывали обновление России с сохранением холистских принципов организации крестьянской общины или ремесленной артели, а значит и общинного человека-винтика, придумывали рассчитанные на него проекты некапиталистического развития России, общинного социализма и пр. Когда же они сталкивались с проявлениями нового, "несоборного" поведения у нарождавшегося из крестьянства третьего сословия: у крестьян, затронутых общими экономическими переменами, у недавних крестьян, ставших горожанами, у полукрестьян-полугорожан, вовлеченных в отхожие промыслы, у крестьян-"кулаков" или у купцов, живших уже по законам "власти денег", а не "власти земли", - то они не узнавали в них повторения самих себя, не признавали за ними права на свободный выбор, которым сами они так дорожили, а объявляли их порождением буржуазности, всеми презираемой и проклинаемой.

Настоящей буржуазии еще не было в России, она еще только маячила где-то на горизонте, но страшила русскую интеллигенцию как новая батыева конница. Даже и для новой дворянско-разночинной культуры нарождавшееся третье сословие существовало только в образе презренного "мещанина", "грядущего хама". Насколько русская культура была склонна к романтизации крестьянина, а впоследствии рабочего или даже босяка, настолько же она была враждебна "мещанину", который на Западе и стал главным носителем принципа новой, недворянской индивидуальной автономии. Российские аристократизированные интеллигенты любили Европу и много у нее брали. Но этос экономического человека, который на своих плечах поднял новую Европу, оставался непонятным русской интеллигенции. Она не желала видеть ничего положительного в его предусмотрительности, расчетливости, умеренности, осторожности, обязательности, во всем, в чем проявлялись внутренние регуляторы поведения человека, который должен полагаться на себя или равных себе (горизонтальное общество), а не на стоящих выше или ниже его (вертикальное общество), и самостоятельно принимать решения, касающиеся своей собственной жизни.

Барское презрение к европейскому мещанину очень ярко выражено у Герцена, на его авторитет не раз ссылались и Леонтьев, и Мережковский, и многие другие критики русского мещанства. Но все-таки Герцен - не Леонтьев и не Мережковский, и его действительное отношение к мещанству было не таким простым. Его аристократической натуре претили посредственность и вульгарность буржуа, однако это не мешало ему видеть объективный смысл и перспективу происходивших перемен,

⁴⁹ Толстой Л.Н. Религия и нравственность. Поли. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, т. 18. М., 1913, с. 119.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

"демократизации аристократии, аристократизации демократии"⁵⁰. Он понимал, что мещанин - не пришелец с другой планеты, а вчерашний крестьянин, "прогнанный с земли, которую обрабатывал века для барина". "Как же ему не рваться в мещане? ... С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, незаказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние... Во имя этого мещанство победит и должно победить. Нельзя сказать голодному - тебе больше к лицу голод, не ищи пищи"⁵¹. Он видел, что в Европе "за большинством, теперь господствующим, стоит еще большее большинство кандидатов на него, для которых нравы, понятия, образ жизни мещанства - единственная цель стремлений, их хватит на десять перемен. Мир... весь пойдет мещанством, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие"⁵².

Напор вырастающего из крестьян массового "мещанства", - а больше вырастать ему было не из чего - свидетельство того, что граница между дворянско-разночинной интеллигенцией и "народом" была прорвана и принципы организации нового, индивидуалистического мира проникли в толщу соборного крестьянства. У "образованных классов" появился конкурент, это сулило конец привычных привилегий, неизбежный передел власти и собственности и многое другое, с чем трудно было смириться дворянской России. Поэтому враждебность к мещанину, так же, как и привязанность к "цветущей сложности" Средневековья, - вопрос отнюдь не только эстетики, как это часто пытались представить. Это вопрос сохранения социального status quo, при котором лишь "некоторые свободны", вопрос избранности. Личность может быть автономной и самоценной, но это доступно не каждому.

В свое время появление на исторической сцене европейской буржуазии не ставило под сомнение средневекового аристократического принципа избранности немногих, а приспособлялось к нему. Как подчеркивал М. Вебер, для которого идея "утверждения в избранности" была фундаментальной для понимания связи между протестантской этикой и духом капитализма⁵³, учение об избранности к спасению было наиболее важным догматом кальвинизма⁵⁴. В практической жизни это приводило, в конечном счете, к оправданию избранности в посюсторонней жизни, "состояние религиозной избранности воспринималось как своего рода сословное качество"⁵⁵. "Если Бог, перст которого пуританин усматривает во всех обстоятельствах своей жизни, представляет кому-нибудь из своих избранников какой-либо шанс для извлечения прибыли, то он совершает это, руководствуясь вполне определенными намерениями"⁵⁶.

⁵⁰ Герцен А.И. Цит. соч., с. 272.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 274.

⁵³ См. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 161.

⁵⁴ Там же, с. 139.

⁵⁵ Там же, с. 161.

⁵⁶ Там же, с. 190.

Лишь позднее, с ростом третьего сословия и началом его борьбы за политическую власть, идея избранности противопоставляется идее равенства, выработанная Просвещением и превратившаяся в один из лозунгов Французской революции, впрочем, далеко не всем понятный. По словам Токвиля, "у американцев имеется то огромное преимущество, что они достигли демократии, не испытав демократических революций, и что они не добивались равенства, а были равными с рождения"⁵⁷. У европейцев этого преимущества не было, и восприятие идеи равенства - даже после Французской революции, может быть, даже особенно после нее - давалось многим европейским, все еще полусредневековым, дворянско-крестьянским обществам с трудом. Это - проблематика Ницше.

Ницше протестовал против растворения личности в "стаде", но и общество равноправных и автономных индивидуальностей казалось ему невозможным. Он издевался над теми, в ком жила "инстинктивная враждебность ко всякой иной форме общества, кроме *автономного стада*", ко "всякому особому притязанию, всяким особым правам и привилегиям"⁵⁸. По Ницше, быть личностью - это удел немногих избранных, для которых "в состав понятия о "счастье" входит способность быть знатным, быть чем-то особенным, непохожим на других, быть изолированным и самостоятельным..., стоящим по ту сторону добра и зла"⁵⁹. Все остальные не стоят больших забот, можно испытывать лишь отвращение или страх, предвидя "общее вырождение человека, вплоть до того "человека будущего", который мерещится в виде идеала современным социалистическим идиотам и тупицам, вырождение человека до уровня совершеннейшего стадного животного..., карликового животного, с равными правами и требованиями"⁶⁰. И остается уповать только на новых "философов и повелителей", способных "положить конец царству бессмыслицы и случая, которое до сих пор именовалось "историей" и завершающей формой которой является бессмыслица господства "большинства"". Их образ "заставит побледнеть образы кого бы то ни было из живших доселе людей"⁶¹.

Тревожное беспокойство Ницше несомненно отвечало настроениям части российского общества, все больше осознававшего, что оно живет на бочке с порохом. Многих привлекала моральная проповедь Толстого, метафизические основания, на которые она опиралась, казались им очень глубокими. Но эти основания принимались далеко не всеми, в откровенном аморализме Ницше была своя огромная сила. "Мистические объяснения считаются глубокими; истина в том, что они даже и не поверхностны"⁶², - говорил он, и находил, в том числе и в России, немалую аудиторию, которая с большим интересом прислушивалась не к христианским призывам Толстого или Достоевского, а к заземленным

⁵⁷ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992, с. 375.

⁵⁸ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Избранные произведения, кн. вторая. М., 1990, с. 232.

⁵⁹ Там же, с. 251-252.

⁶⁰ Там же, с. 235.

⁶¹ Там же, с. 232.

⁶² Ницше Ф. Веселая наука. Соч. в 2 томах, т. 1. М., 1990, с. 593.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

пророчествам Ницше, ибо они открывали путь к определенному типу активного действия. Как отмечал Флоровский, "для девяностых годов равно характерны и влияние Толстого, и влияние Ницше. Влияние Ницше было все же сильнее"⁶³.

Впрочем, в России были и свои пророки - открытые противники автономии личности за пределами избранного слоя. Таким был, например, К. Леонтьев, видевший во "всем, что усиливает личную свободу (т.е. своеволие) большинства", лишь "большее или меньшее расшатывание основ"⁶⁴. Основы и впрямь расшатывались, приближая "демократическую революцию", в этом Леонтьев был, конечно, прав - и не одинок в своей правоте. "Русская революция уже назрела и вспыхнет скоро, - писал примерно в то же время Энгельс. - ...Раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года"⁶⁵.

Сохранение соборных начал казалось реальной альтернативой крестьянскому бунту, и на их защиту в той или иной форме поднялись чуть ли не все течения русской общественной мысли. А то упорство, с которым даже прозападно ориентированные, европейски образованные, искренние и часто очень талантливые русские мыслители настаивали на возможности строить будущее на соборно-общинных основаниях прошлого, говорит, скорее всего, о том, что эти основания были еще достаточно прочны, так что уже появившиеся признаки упадка заставляли думать, скорее, об их восстановлении, нежели подрывали веру в их конечную жизнеспособность.

О том же свидетельствовало и естественное сопротивление размыванию соборных начал, которое шло "снизу", от самой народной культуры, ибо она также оставалась за бортом времени. Эта культура была создана "властью земли", поддерживала ее и сама на ней держалась. Но "власть земли" давно уже была теснима властью денег, даже деревенская, а тем более городская жизнь требовала перемен в экономических порядках, семейной жизни, правосознании, образованности, подвижности большинства народа, и эти перемены происходили в России. Соответственно разрастался кризис соборно-общинного мира русской деревни и деревенского человека. Литература конца прошлого - начала нынешнего столетия полна примеров необычного для русской деревни рационально-эгоистического, индивидуалистического мышления и поведения крестьян, их "своеволия", по крайней мере, в экономической и семейной жизни. Но сохранялся какой-то общий традиционный фон, на котором все это выглядело лишь прискорбными, осуждаемыми отступлениями от должного. Столыпинская реформа оказалась хорошим пробным камнем, показала значительную еще прочность общинных порядков. Традиционная крестьянская культура защищала себя.

Таким образом, еще до революции возникло что-то вроде культурно-идеологического союза дворянско-интеллигентских "верхов" и крестьянских "низов" против буржуазной "середины", "центра", "мещанина", к тому же не очень четко представляемых. Мережковский

⁶³ Флоровский Г. Цит. соч., с. 453.

⁶⁴ Леонтьев К. Чем и как либерализм наш вреден? Леонтьев К. Избранное. М., 1993, с. 171.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, М, 1961, с. 124.

призывал объединить силы "трех начал духовного благородства: ... земли, народа - живой плоти, ... церкви - живой души, ... интеллигенции - живого духа России" против трех начал "духовного мещанства": "самодержавной казенщины", "православной казенщины" и самого страшного "хамства, идущего снизу, - хулиганства, босячества, черной сотни"⁶⁶. А где же собственно "мещанин", новый миллионноликий горожанин, где городской рабочий, буржуа, где зарождавшийся средний класс?

У Герцена мещанин - часть реальной социальной структуры, у Мережковского - не более, чем метафора, только мешающая разглядеть новые социальные слои, затрудняющая понимание российским обществом новой для него задачи превращения элитарной автономной личности в преобладающий человеческий тип. Само по себе возникновение такой личности в России было революцией. Но теперь, совершившись в избранной среде, эта революция должна была приобрести другое измерение, стать массовой, перевернуть основания и содержание культуры, преобразовав ее из холистской в индивидуалистскую. Возможно, в этом была центральная задача всей разворачивавшейся русской революции, кое-кто ее так и понимал. "Одна и может быть главная причина нашей революции, - писал С. Витте, - это - запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно и сознания собственности и потребности гражданственности... Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нем держится весь мир"⁶⁷.

Преодолеть "запоздание" было непросто. Развитие индивидуальности методом дорогостоящего воспитания на западный манер было доступно немногим. Собственная же "сложная" социальная среда, которая воспитывает автономную личность просто самой жизнью и потому хоть как-то да отесывает каждого, - среда городская, конкурентная, рыночно-денежная, - была неразвита в России. К началу XX в. Россия оказалась в тупике: для того, чтобы разблокировать становление автономной личности как массового человеческого типа, необходимо было ускорить экономическую и социальную модернизацию. Но осуществить такую модернизацию способны только "новые люди", а они-то как раз и не могли никак вылупиться в достаточном количестве из соборного целого.

7. Автономная личность: "Homo soveticus"

Разорвать этот порочный круг и вознамерились большевики, когда принялись "строить социализм немедленно". Теоретически они понимали несовершенство "человеческого материала", которому предстояло решать эту задачу, но надеялись на быструю "культурную революцию". "У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед

⁶⁶ Мережковский Д. Грядущий Хам. В кн.: Д. Мережковский. Большая Россия. Л., 1991, с. 43.

⁶⁷ Витте СЮ. Воспоминания. Т. 2, М., 1960, с. 493.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

лицом которой мы, все-таки, теперь стоим", - писал Ленин⁶⁸. Хотя понятие "культурная революция" у Ленина не расшифровано, по многим его высказываниям можно думать, что речь шла о распространении городской, "западной" культуры, которая и должна была ускорить формирование необходимого для построения социализма "нового человека". Для Ленина образцом такого человека был городской пролетарий (мысль сама по себе более, чем спорная), но и Ленин признавал, что пролетариат в России немногочислен, что необходимо нести городскую культуру в деревню, "но это дело годов и годов"⁶⁹. Годов и годов в запасе не было, и дело обернулось по-иному: деревенская культура на какое-то время захлестнула город.

"Построение социализма" в СССР было рассчитано на такие скорости и ритмы, которые не оставляли времени для полноценной "переделки человека". К тому же постепенно выяснилось, что это и не было необходимым звеном осуществления модернизационного проекта. После нескольких корректировок в 20-е годы он окончательно приобрел черты проекта инструментальной модернизации, при которой материально-технологический прогресс превращается в самоцель, а человек рассматривается прежде всего как средство. Это означало поворот (разумеется, замаскированный) к старой соборной идеологии и давало новое дыхание принципу "человек для...".

В результате развитие событий в России совпало с представлениями и пророчествами, весьма далекими от марксистских или большевистских, но настаивавшими на том, что индивидуализм автономной личности в России несовместим с интересами общественного целого. Вывод напрашивался сам собой: выпущенные на свободу индивиды не могут существовать как частные лица, а рано или поздно должны быть снова объединены в некое подобие крестьянских общин, ремесленных артелей или средневековых цехов. Эта идея высказывалась не раз. Еще К.Леонтьев предрекал, что после временных успехов "эмансипационного прогресса" "явится... рабство в новой форме, вероятно, - в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм - феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных"⁷⁰.

Впрочем, такой поворот событий - неизбежный, видимо, при догоняющей модернизации, - был свойствен не только России. Повсюду человек, еще не вылупившийся - или не до конца вылупившийся - из средневековой общинно-корпоративной оболочки, не способен воспринять и реализовать в своей деятельности принципы экономической и политической демократии, по которым живет городское общество, они часто кажутся ему чудовищными и нелепыми. Но коль скоро социальная мутация началась, безоговорочно следовать прежним холистским принципам он тоже уже не может. Старые общинно-корпоративные связи разрушены, новая социальная структура еще не сложилась, миллионы, а то и десятки миллионов людей образуют аморфную, слабо струк-

⁶⁸ Ленин В.И. О кооперации. Поли. собр. сочинений, т. 45, с. 377.

⁶⁹ Ленин В.И. VIII съезд РКП(б). Доклад о работе в деревне. Поли. собр. сочинений, т. 38, с. 198.

⁷⁰ Леонтьев К. Цит. соч., с. 179.

турированную массу. "Внутренняя среда" социальной системы частично утрачивает свои гомеостатические свойства. Любому обществу требуется время и опыт собственных ошибок, чтобы преодолеть неизбежный этап социальной неустойчивости и выработать структуру общественных отношений, отвечающих новым условиям.

Слабо структурированные, теряющие механизмы саморегулирования "массы", легко поддающаяся под власть разрушительных инстинктов, городская толпа стали политической проблемой многих европейских стран. Она привлекала внимание еще в прошлом веке ("бонапартизм"⁷¹), но интерес к ней особенно вырос уже в веке нынешнем, с его двадцатых годов. "Начиная со второй половины XIX века, - писал тогда Х. Ортега-и-Гассет, - перед "средним" человеком, человеком-массой исчезают все препятствия... Нет никаких привилегированных групп: ни сословий, ни "каст"⁷². "Все выравнивается: размеры состояний, культурные уровни различных общественных классов, стираются различия между полами"⁷³. Место "народа", по словам Шпенглера, заняло теперь "городское население, неорганическая масса, нечто текучее"⁷⁴. Безликая, неорганизованная и оторванная от корней масса не осознает своих истинных интересов, ведет себя подобно стихии, а это грозит обществу хаосом и распадом. Таково впечатление, вынесенное европейским "политическим классом" 20-х годов из только что миновавшего пароксизма войн и революций. Усилия тогдашней политической мысли явственно направлены на поиски способов надеть узду на разбушевавшиеся массы, восстановить утраченный порядок. Отсюда - внутреннее созвучие, явный или неявный обмен идеями между московским большевизмом, русскими эмигрантскими кругами на Западе, итальянским фашизмом, немецкими протонацистскими течениями и т. д.

Представители самых разных взглядов и политических течений - В. Ратенау и Бердяев, Меллер ван-ден Брук и "евразийцы", Муссолини и харбинские "русские фашисты" - связывали будущее послевоенной Европы с возрождением средневекового корпоративного строя. "Спасать государство и общество от окончательного разложения и развала, - утверждал Бердяев, - будут общественные союзы, в высшей степени жизненные, корпоративно-профессиональные, с одной стороны, хозяйственные, с другой стороны, духовные. Из этих союзов будет слагаться общество и государство нового средневековья"⁷⁵. Евразийцы критиковали унаследованный от Французской революции "атомизм" и требовали борьбы "как с тенденцией установить священное и неприкосновен-

⁷¹ "Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, - таков подлинный Бонапарт". (Маркс. К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, Изд. второе. М., 1957, т. 8, с. 168).

⁷² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. В кн.: Х. Ортега-и-Гассет. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991, с. 83.

⁷³ Там же, с. 55.

⁷⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Том 1. Новосибирск, 1993, с. 463.

⁷⁵ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991, с. 30.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

ное право частной собственности," так и с тенденциями социализма, который, по их мнению, "подменял государственно-правовые отношения частно-правовыми"⁷⁶. "При корпоративной системе население организовано, - писали авторы "Азбуки фашизма".- Каждый гражданин знает себе место в государстве и свои обязанности и права"⁷⁷. Пропагандируя корпоративный строй, который они хотели установить в России, они пытались внушить, что здесь существуют его собственные средневековые корни. "Наиболее полной фашистская идеология проявила себя во времена царя Алексея Михайловича, когда весь государственный строй того времени представлял не что иное, как прототип современной корпоративной системы"⁷⁸. Однако едва ли не первыми озаботились противостоянием "атомизму частных лиц" русские большевики. Уже в 1919 г. им было ясно, что "перед пролетарской властью стоит вопрос: каким образом включить... массу мелких производителей в общую систему строящегося социалистического хозяйства?"⁷⁹. Размышления над этим вопросом привели в конце концов к кооперативному плану Ленина, его идеям о создании в России "строю цивилизованных кооператоров" и "участии в кооперации поголовно всего населения"⁸⁰.

Во всех этих сходствах и пересечениях идей не было случайности. В корпорациях, всякого рода объединениях, союзах и т.п., которые позволяют власти иметь дело не с отдельными людьми, а с их корпоративными представителями, европейские политики и идеологи, включая и московских большевиков, искали путь к новому структурированию "масс" и восстановлению утраченного порядка. Стержнем, объединявшим очень разные, на первый взгляд, направления мысли и действия, были поиски путей модернизации, опирающейся не на автономное "частное лицо", а на соборного человека-винтика, включенного в какие-то новые формы коллективности, соответствующие промышленной и городской эпохе.

Разумеется, теперь это уже не соборный крестьянин прошлых веков, но и не индивидуалистический автономный человек, не "буржуа" или не вполне "буржуа" западного типа. Это новый, соборный же "простой человек", который сильно отличается от своего крестьянского предшественника, однако только внешними, инструментально существенными чертами. В советской версии будущего это прежде всего - промышленный рабочий, механическая деталь стальных пролетарских рядов, спаянных "сознательной дисциплиной", однородной массы марширующих в одинаковом ритме людей, в едином порыве заполняющих площади и стадионы, преданных идее и вождю, стоящих выше личных привязанностей и т.п. Апофеоз коллективизма ("общие даже слезы из глаз") не позволяет разглядеть отдельного человека. По существу, это тот же общинный крестьянин, но переодетый в городскую одежду и получивший современное образование. Что же касается глубинных принципов соци-

⁷⁶ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 410..

⁷⁷ Тараданов Г.В. (при участии Кибардина В.В.) Азбука фашизма. В кн.: Звезда и свастика. Большевик и русский фашизм. М., 1994, с. 228.

⁷⁸ Там же, с. 226.

⁷⁹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. В кн.: Звезда и свастика, с.108.

⁸⁰ Ленин В.И. О кооперации. Полн. собр. сочинений, т. 45, с. 372-373.

ального существования, внутреннего мира, механизмов детерминации поведения, - он остается все тем же пассивным и непритязательным "человеком для...", стандартным винтиком социальной машины, неотличимым от другого такого же винтика. Попытка создания такого социокультурного кентавра и была предпринята в СССР.

Одним из главных инструментов осуществления этого замысла стала, как и предвидел Ленин, советская "культурная революция", "скачок от культурной отсталости большинства населения страны ко всеобщей высокой грамотности и созданию многочисленной новой, народной, социалистической интеллигенции"⁸¹. Но уже в этой формуле прочитывается ограниченность задуманной революции, ее заведомая направленность на решение чисто инструментальных задач, таких как рост образования, приобщение к современным техническим и научным знаниям, распространение бытовой, санитарной и физической культуры и т. п. В их решении в советское время и впрямь были достигнуты немалые успехи.

Однако даже и у этой сильно усеченной культурной революции была обратная сторона. Задача режима не ограничивалась расширением круга "образованцев", людей, функционально необходимых для того, чтобы исправно крутились колеса современной государственной или промышленной машины. Надо было еще удержать их в этой винтичной роли, воспрепятствовать их превращению в "новых людей" в полном смысле слова. Нужна была постоянная забота о том, чтобы новая интеллигенция, нарощение которой Сталин объявил "одним из самых важных результатов культурной революции"⁸², не имела ничего общего со старой, которая, согласно Сталину, "кормилась у имущих классов и обслуживала их", внушая "то недоверие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие"⁸³.

Советская "культурная революция" сопровождалась антиинтеллигентским террором, формы и проявления которого хорошо известны, нарастанием мертвящего консервативного догматизма, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества. В каком-то смысле всему этому противопоставлялся экстенсивный, количественный рост "инструментальных" возможностей в области образования, науки, искусства. Но противопоставление было кажущимся. Застой на "верхних этажах" культуры не мог не сказаться и на ее массовом уровне, на состоянии школьного образования, доверии к знаниям, культурных интересах большинства народа, на самом качестве культуры. В результате, саморазвитие даже собственно инструментальной сферы культуры оказалось заблокированным, а итоги инструментальной культурной модернизации - половинчатыми, она осталась незавершенной.

Но даже если бы она и была завершена, это отнюдь не была та более глубокая революция, к которой давно уже шла Россия и которая должна была изменить не только "инструментальное", но и "ценностное" наполнение культуры, привести к замене холистских

⁸¹ БСЭ, второе издание, М., 1953, т. 24, с. 37.

⁸² Сталин И.В. Вопросы ленинизма, 11 изд., М., 1952, с. 628.

⁸³ Там же, с. 647.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

"сельских" культурных парадигм индивидуалистскими и либеральными парадигмами современного городского общества. А эта более общая задача не только не поддавалась решению в те короткие сроки, которые могли быть отпущены ей в условиях стремительной советской модернизации, но и вообще не могла быть решена без отказа от коллективистско-социалистической утопии, за которой явно проглядывала законсервированная и перелицованная соборность.

Действительные или воображаемые успехи советской консервативной модернизации, так же как и "консервативных революций" в Италии и Германии порождали некоторые иллюзии преодоления кризиса соборного идеала и его возрождения под знаменами социалистического коллективизма, корпоративизма, национализма. Потребовалось не слишком много времени, чтобы обнаружился общий знаменатель различных вариантов "нового средневековья" - тоталитаризм. Тоталитарные режимы показали свое истинное лицо, и иллюзии стали испаряться.

Претерпела изменения позиция поборников русской соборности в кругах русской эмиграции. Бердяев, отойдя в 30-е годы от взглядов, изложенных в "Новом средневековье", с особой силой настаивал на категорическом отказе от соборного принципа "человек для...". "Государство существует для человека, а не человек для государства"⁸⁴. "Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности..., как общество, нация, государство, цивилизация, церковь"⁸⁵. И Флоровский подчеркивает, что "'кафолическое сознание" не есть коллективное сознание..., - "я" не снимается и не растворяется в "мы" и не становится только пассивным медиумом родового сознания"⁸⁶. В этих словах слышится полемика со славянофильской верой в личность, которая стремится быть лишь "правильным выражением основного духа общества".

Флоровский продолжает рассматривать соборность как высокий идеал, но не находит ее в народной жизни, отказывается в поисках ее следовать за Киреевским вовнутрь "крестьянской избы". "В славянофильском истолковании самая народная жизнь есть некая естественная соборность", а это - "опасный предрассудок", "обскурантизм"⁸⁷, - утверждает он. Личное сознание "в кафолическом преображении" способно воспринимать и выражать сознание и жизнь целого, но этому еще "нужно вновь научиться... Нужно возрасти до кафолического уровня, перерости свою субъективную узость, выйти из своего особого закоулка"⁸⁸. Соборность, таким образом, из славянофильского идеала прошлого, следы которого можно обнаружить разве что в самых глубинах простонародной жизни, превращается в идеал будущего, осуществить который призваны интеллигенция, "верхний культурный слой", а отнюдь не простой народ. Сходные мотивы - и столь же метафизически-туманный идеал - мы находим и у Бердяева, на склоне жизни связывавшего будущее России "не с верой в русского мужика, как у Герцена, а с благой вестью в наступление Царства Божьего, с верой в существо-

⁸⁴ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Paris, 1972, с. 125.

⁸⁵ Там же, с. 26.

⁸⁶ Флоровский Г. Цит. соч., с. 506.

⁸⁷ Там же, с. 504.

⁸⁸ Там же, с. 506-507.

вание иного мира, иного порядка бытия, который должен означать радикальное преобразование этого мира"⁸⁹.

А что происходило с соборно-коллективистским идеалом в советской действительности? Трагическая гибель деревни и превращение советского общества в промышленное и городское выбивали опору из-под ног соборного синкретизма, лишали смысла прежние механизмы социального контроля, соответствовавший им принцип "человек для...", а значит, и вылепленный веками тип русского "соборного человека". Какое-то время он продлевал свое существование в промежуточной культуре горожан первого поколения, в их системе ценностей, воспоминаниях, ностальгии и т. п. В той мере, в какой революционно-консервативный замысел удалось осуществить в СССР, образовалась и промежуточная, внутренне противоречивая "культурная смесь", которая освящала неосуществимый идеал человеческой личности - "простого советского человека", Homo Sovieticus'a. В нем искусственно соединились "инструментальные" достоинства современного городского жителя с коллективистскими крестьянскими добродетелями "соборного человека". Несмотря на свою искусственность, а может быть, именно благодаря ей, такой идеал был созвучен мироощущению промежуточных, село-городских поколений. По справедливому замечанию Ю. Левады, хотя характеристики Homo Sovieticus'a относятся прежде всего "к лозунгу, проекту, социальной норме", "в то же время - это реальные характеристики поведенческих структур общества"⁹⁰.

Как долго, однако, могло сохраняться пусть и неполное совпадение лозунга и реальности? Остановить вызревание "нового человека", который шел на смену как прежнему соборному, так и промежуточному Homo Sovieticus'у было уже невозможно. К двум дореволюционным рычагам этого превращения - саморазвитию дворянской и околдворянской культуры и вызванному развитием капитализма кризису соборной деревни добавился новый, самый мощный: советская инструментальная модернизация. Хотя она и была половинчатой, она тем не менее коренным образом изменила социальное пространство, в котором жили вчерашние крестьяне, их дети и внуки. При всей неполноценности рыночно-денежных отношений и городской среды в СССР они стали основными элементами этого пространства, и в нем - намного более сложном и расчлененном, чем сельское, - по-иному развивалось и внутреннее пространство личности, ее самосознание, способность к рефлексии, к нравственному и эмоциональному переживанию и т. д. Теперь уже многим десяткам миллионов людей становилось тесно в рамках традиционных, соборных социокультурных регуляторов, они все явственнее ощущали себя автономными частными лицами, выросшими из старых институциональных одежек. "Вторая половина" модернизации, ее неинструментальная составляющая, которая не особенно волновала милитаризованное патерналистское государство, все чаще становилась заботой личной, вопросом жизни и смерти каждого, и каждый выступал как ее поборник.

⁸⁹ Бердяев Н. Самопознание, с. 326-327.

⁹⁰ Советский простой человек Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. редактор Ю.А. Левада. М., 1993, с. 8.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

Разумеется, соборность, которая приобрела к этому времени новое обличье, превратившись в соответствии с экономическими, политическими и военными императивами XX века в государственную тотальность, не намерена была уступать. "Государство для Homo Sovieticus'a, - утверждают авторы коллективного исследования, - не один из ряда исторически сформировавшихся социальных институтов... В облике государства в советском обществе выступает нерасчлененный на функциональные компоненты, универсальный институт досовременного патерналистского образца, который проникает во все уголки человеческого существования"⁹¹. Государство заменило человеку сельскую общину и "улицу", надзиравшие за всеми событиями человеческой жизни в прошлом веке, продиктовало официальные культурные предпочтения, закреплённые в политике и идеологии. Они сложились во времена индустриализационных бури и натиска и эксплуатировали типичные для тогдашнего народного сознания соборно-коллективистские представления. Потеряв связь с питающей их жизнью, которой больше не существовало, они окостенели в своем догматизме, а их историческая обречённость нередко оборачивалась повышенной агрессивностью по отношению к рационализму и утилитаризму крепнувшей новой культуры.

Но сдержать ее напора они уже не могли. На какое-то время, на несколько послевоенных десятилетий, "хрущевских" и "брежневских", установилось зыбкое, кажущееся равновесие сил, но подспудно их соотношение менялось. Застой на покрывавшейся тиной государственной поверхности не мог остановить жизни общества на глубине. "Новый" человек, индивидуалист и прагматик, набирал силу, советское общество все больше забывало свои старые "соборные" черты и превращалось в общество автономных индивидов. Горбачевские и последующие реформы - лишь несколько запоздалый ответ на эту фундаментальную мутацию, до полного же ее завершения далеко и сейчас. Принцип автономии личности в России все еще слабо укоренен, его сторонники не готовы окончательно расстаться с привычной соборно-патерналистской картиной мира. Не зря исследователи феномена Homo soveticus'a в конце 80-х годов отмечали "одну из важнейших... линий разлома в структуре ценностей и ориентаций современного человека советского: между ориентациями ценностными и инструментальными"⁹². "Признавая - по всей видимости - необходимость радикального разрыва с привычным "советским" образом жизни, он весьма плохо умеет это делать, опасается неизвестных и непредвиденных последствий перемен в экономике и политике"⁹³.

Так оно и есть. Мы все еще кентавры - наполовину государевы винтики, наполовину независимые частные лица. Но и остановить движение уже невозможно. Конечно, полностью соборные начала не будут изжиты никогда, в какой-то мере они не менее необходимы, чем начала личной автономии, которая тоже присутствовала в общественной жизни всегда. Сдвигаются лишь соотношения между тем и другим, переносится центр тяжести. Но это меняет все.

⁹¹ Там же, с. 15-16.

⁹² Там же, с. 267.

⁹³ Там же.

8. Диктатура масс или новый класс?

Итак, непосредственным и совершенно естественным плодом модернизации - и дореволюционной российской и, в особенности, послереволюционной советской - стал маргинальный, "полусоборный" человек. Он был весьма далек от того типа "сознательного рабочего", о котором постоянно упоминал Ленин и которому неявно приписывались черты нового атомизированного европейского человека вперемешку с чертами "соборности", украшавшими образ идеального западного рабочего вторичными половыми признаками общинного коллективизма. Но именно этому незрелому, маргинальному человеку предстояло заполнить политическую сцену послереволюционной России, за кратчайшее время размножиться до большинства народа и сыграть бутафорскую роль носителя "диктатуры пролетариата".

В русской революции и диктатуре пролетариата можно усмотреть частный случай "перехода масс к неограниченной власти в обществе", о котором говорил Ортега-и-Гассет. "Подобные кризисы уже случались в истории... Имя их - восстание масс"⁹⁴. Этот кризис, - полагал он, - следствие появления нового человеческого типа, нового плебса, "новой черни". ""Новые" люди - это варвары, выскочившие на сцену истории и дерзко и неудержимо заполнившие все историческое пространство"⁹⁵. "Двумя самыми наглядными примерами этой сущностной регрессии являются большевизм и фашизм, два порождения "новой" политики, возникшие в Европе и на ее периферии"⁹⁶. Особую роль бесструктурных масс в европейской политической истории XX в. подчеркивала и Ханна Арендт. "Массы не объединены сознанием общих интересов и не знают специфической логики классов, которая выражается в преследовании конкретных целей, ограниченных и достижимых... Подъем нацистского движения в Германии и коммунистических движений в Европе после 1930 г. характеризовался тем, что они рекрутировали своих сторонников среди этой массы людей..., от которых все другие партии отказались... В результате большинство их сторонников составляли люди, которые прежде никогда не появлялись на политической сцене"⁹⁷.

Кто же эти безликие массы, вдруг ставшие большинством, откуда они взялись? Где были раньше? Почему именно сейчас пробил их час? Ответ прост: сегодняшние "массы" - это вчерашние крестьяне, еще недавно бывшие большинством во всех европейских странах, а затем оторванные от корней, вытолкнутые из деревни в результате коренных перемен в европейской экономической жизни. Везде - а в России особенно - случилось то, чего опасался Глеб Успенский. "Оторвите крестьянина от земли, - писал, он - от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, - добейтесь, чтобы он забыл "крестьянство", - и нет этого народа, нет народного мироощущения, нет тепла, которое идет от него... Настает душевная пустота, "полная воля", то есть неведомая пустая даль, безграничная

⁹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Цит. соч., с. 40.

⁹⁵ Там же, с. 114.

⁹⁶ Там же, с. 119.

⁹⁷ Arendt H. Le systeme totalitaire. Ed. du Seuil, 1972, p. 31-32.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

пустая ширь, страшное "иди, куда хошь"...⁹⁸. Рухнули сами основы жизнедеятельности большинства народа, а значит, и опирающийся на них социальный порядок. Время перехода к иному порядку, задаваемому городской жизнедеятельностью, - это время междуцарствия, когда миллионы "новых людей" рвутся к реальным хотя пока еще плохо понимаемым ими соблазнам и ценностям новой, городской жизни, сметая все на своем пути. Это и впрямь время *восстания* масс, но можно ли говорить об их *диктатуре*? Если такая диктатура - в форме кратковременной власти разбушевавшейся толпы - и промелькнула кое-где в XX в., то лишь для того, чтобы подготовить почву для жестких тоталитарных режимов, железной рукой ставивших человека толпы на свое место. Очень скоро стало ясно, что массы появились на политической сцене ненадолго и лишь в роли статистов. Исторический спектакль без них не мог состояться, но не они определяли его ход. Истинное место масс в политических процессах нашего столетия не может быть понято, если не рассматривать одновременно функции и роль **новых элит** и смысла **их** восстания и **их** диктатуры.

Новые элиты - такое же неизбежное порождение исторических перемен, как и новый автономный человек. По мере того, как он превращается во все более массовый человеческий тип и меняется "молекулярный состав" общества, из среды "новых людей" выделяются наиболее активные носители их интересов, ценностей, принципов, они приобретают все большее влияние и постепенно теснят прежнюю элиту, издавна контролирующую экономическую, политическую и духовную жизнь общества. Разумеется, та не уходит со сцены без сопротивления. Борьба растягивается на несколько поколений, идет с переменным успехом, в каждой стране по-своему, оставляет после себя цепь компромиссов, временных союзов, порожденных ими мифологий и идеологий, формирует сложное переплетение партийных позиций и т.д. Это не просто борьба за влияние и власть, которые бывают всегда. Речь идет об изменении самого типа элиты, принципов ее формирования, характера функционирования - все это должно соответствовать основам жизнедеятельности обновляющегося общества. Только в таком случае можно говорить о модернизации элиты как необходимой части общей модернизации.

В России свой вклад в формирование новой элиты и ее борьбу за влияние и власть внесли все три исторических слоя новых людей, и все они, в известном смысле, не без оснований, рассматривали эту борьбу как революционную. Под их влиянием складывались все революционные настроения в России.

Первоначально они отражали интересы новых в культурном, экономическом или социальном смысле слоев, дворянских или околдворянских, квазибуржуазных. Старая российская элита XVIII в. - это поместное дворянство вполне традиционного склада. Но, как мы видели, в первой половине XIX в. именно в этой среде появились новые люди, сильно затронутые западными культурными влияниями и выработавшие агрессивно-критическое отношение к традиционной российской действительности. Чаадаев или декабристы не преследовали никаких личных интересов, если не считать того, что им вдруг стало душно в застойном рос-

⁹⁸ Успенский Г. Собр. соч. в 9 томах, т. 5, с. 116.

сийском социальном климате. Но постепенно к этому тоже немаловажному соображению стали добавляться и другие, более прагматические. Россия все же развивалась, а это вело к значительному расширению элитарных статусов. Рядом с привычной дворянской верхушкой все чаще появлялись богатые и средние промышленники и купцы. Страна европеизировалась и ей нужно было все больше грамотных администраторов и офицеров, инженеров и учителей, журналистов и университетских профессоров. Частично они рекрутировались из дворян, но одних дворянских детей уже не хватало, вверх поднималось все больше выходцев из духовного сословия, из мещан, иногда и из крестьян, складывался слой разночинцев, "пролетариев умственного труда". Для крестьянина или городского простолоудина в России XIX в. каждый студент - "барин", да и сами студенты склонны были смотреть на себя как на бар. Конечно, это уже далеко не те баре, каких знала екатерининская эпоха. Но старые барские претензии еще живы были в памяти, психологически русские разночинцы XIX века - это замысловатая смесь дворянина и буржуа, их западнические, откровенно буржуазные симпатии и пристрастия спорят с их собственными "антибуржуазностью", неистребимыми аристократическими замашками и притязаниями.

Вместе с новыми статусами появляются и новые способы их достижения, растет вертикальная социальная мобильность, почти неизвестная старому сословному обществу. Расширение каналов вертикальной мобильности прямо связано с переменами, в которых заинтересована новая элита и которым противостоит старая, теряющая, по крайней мере, часть своих привилегий. Поэтому стремление к переменам, к обновлению, смысл которого часто плохо осознается или осознается лишь в отдельных его проявлениях, - становится религией нарождающихся элитарных групп, практически всей интеллигенции, и она включается в более или менее активную борьбу против сложившегося порядка вещей и олицетворяющей его власти.

Пока сила на стороне старой элиты, она довольно успешно блокирует перемены, вновь прибывающие разночинцы видят перед собой почти непреодолимую стену. Стремясь изменить неблагоприятное соотношение сил, они ищут союзника в "народе", то есть, по преимуществу, в крестьянстве. В этом - главный секрет "народолюбия" русской интеллигенции, идеализации ею крестьянина. Убежденность интеллигенции в том, что она служит исключительно "народу", могла быть вполне искренней, но мера искренности не есть мера истинности. Она может отражать лишь глубину иллюзий. Городские разночинные революционеры, даже и искренне убежденные в своей преданности делу народа, всегда видели себя его поводырями и, как правило, не отдавали себе отчета в том, что интересы "народа" и их собственные могут не совпадать или совпадать лишь частично. Тем не менее неудовлетворенность своим положением делала их более зоркими и по отношению к положению крестьянства, и в самом деле часто бедственному. У них нарастало ощущение социальной несправедливости, оно смешивалось с нетерпеливым стремлением ускорить перемены, порождая культурный нигилизм, а то и фанатический политический экстремизм, оправдывающий любое насилие. Они стремились уравнивать силу действия с силой противодействия.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

В России XIX в. "революционер" - политический экстремист - становится типичной фигурой. Он искренне убежден, что борется с несправедливостью, как и в том, что в такой борьбе все средства хороши. Неразборчивость в средствах оправдывается неравенством сил. Одна из первых и наиболее известных деклараций революционаризма такого рода - "Катехизис революционера" С. Нечаева - окровенно стирает грань между политикой и уголовщиной. "Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы России... Наше дело - страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение... Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России"⁹⁹. Нечаев подчеркнуто отмежевывается от революции "по западному классическому образцу" из-за их "уважения перед собственностью и перед традициями общественных порядков"¹⁰⁰.

Нечаев - одиозная фигура российского революционного иконостаза, впоследствии многие революционеры открещивались от "нечаевщины", по крайней мере, на словах, но далеко не всегда на деле. Представители самых разных революционных сил время от времени прибегали к террористическим актам или "экспроприациям", не видя в этом большого греха и вызывая сочувствие публики. Б. Кистяковский писал в "Вехах", что русское общественное сознание "никогда не выдвигало идеала правовой личности". Даже Герцен, - говорил он, - "видел некоторое наше преимущество в том, что у нас нет прочного правопорядка"¹⁰¹. "Только новая волна западничества, хлынувшая в начале девяностых годов вместе с марксизмом, начала немного прояснять правовое сознание русской интеллигенции... Но..., несмотря на школу марксизма, пройденную ею, отношение ее к праву осталось прежним"¹⁰². Русский марксизм стал приспособляться к привычным "нечаевским" революционным понятиям. Кистяковский говорит о "чудовищной" "идее господства силы и захватной власти вместо господства принципов права", выраженной в речи Плеханова еще в 1903 г. "Если бы в порыве революционного энтузиазма, - сказал тогда Плеханов, - народ выбрал очень хороший парламент..., то нам следовало бы стремиться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели"¹⁰³. Надо ли удивляться, что большевики так и поступили впоследствии с Учредительным собранием и что "революционное насилие" вообще заняло столь большое место в теории и практике большевизма, который пошел в этом отношении намного дальше меньшевика Плеханова?

Романтические, точнее, аристократически-романтические надежды на то, что многомиллионная Россия станет послушно следовать за

⁹⁹ Нечаев С. Катехизис революционера. Цит. по: Лурье Ф.М. Созидатель разрушения. Спб., 1994, с. 105.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Кистяковский Б. В защиту права. Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991, с. 115.

¹⁰² Там же, с. 120.

¹⁰³ Там же, с. 122.

"тончайшим слоем" пришедших к власти революционеров, решающих, какой парламент сохранить, а какой - разогнать, были наивны. Россия не была послушной патриархально-крестьянской страной уже в конце прошлого века, а тем более не стала ею, когда вошла в полосу социальных потрясений первой половины нынешнего. Именно тогда незрелое, упрощенное политическое и правовое сознание большевиков на деле соединилось с неразвитым, стихийным сознанием деклассированных, растревоженных войнами и революциями полугородских-полудеревенских, крестьянско-солдатских масс, а утвердившийся благодаря этому соединению режим стал осваивать классические приемы "бонапартизма": "эквilibрировать, чтобы не упасть, - заигрывать, чтобы управлять, - подкупать, чтобы нравиться, - брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке"¹⁰⁴. Это предопределило как временный успех "ленинской гвардии", так и ее последующую гибель.

Революционное обновление России открыло - и в этом был его главный смысл - новые каналы вертикальной социальной мобильности, притом впервые - для большинства. В них совершенно естественным образом устремился "народ", именем которого клялись несколько поколений русских полудворянских, полубуржуазных революционеров. Для них это оказалось полной неожиданностью.

Излюбленным образом сталинской эпохи был романтический образ Данко, ведущего за собою "народ" и освещающего дорогу поднятым над головой собственным сердцем. Возможно, именно так виделась русским революционерам их роль в надвигающихся на страну событиях в начале века. Но когда события наступили, общество не нуждалось ни в каких впереди идущих. Ему гораздо ближе был образ времен гражданской войны - образ толпы, штурмующей поезд, в котором заведомо нет места для всех. Вагоны третьего класса хуже, чем первого, но и оказаться в третьем классе все же лучше, чем остаться на платформе. Рвущая толпа затаптывает упавших, пассажиры третьего класса врываются в первый и выбрасывают из окон его удачливых обитателей, чтобы занять их место, так повторяется несколько раз, хаос нарастает, толпа насаждает - еще несколько минут, и она сбросит поезд с рельсов, и проиграют все... В поезде уже полно пассажиров, они требуют порядка: пусть неудачник плачет, но пора трогаться, с "партизанщиной" пора кончать. И на подножках поезда появляются вооруженные государственные люди в кожаных куртках...

Уже в первый год революции бушующие массы смели с политической арены представителей почти всех сложившихся в России революционных течений. На какое-то время у власти задержались большевики, но не надолго. "Ленинская гвардия... оказалась хрупким плотом на гребне вздымавшейся волны. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан (снова "мещане"! - А.В.), наскоро перекрасившихся в коммунистов... Каждого из них - и в отдельности, и дюжинами, и пачками - Ленин мог выгнать, арестовать, расстрелять. Но в целом они были неодолимы"¹⁰⁵. С конца 20-х годов, со времен "великого перелома" началось стремительное расширение мар-

¹⁰⁴ Ленин В.И. Об оценке текущего момента. Соч., 4-е изд., т. 15, с. 245.

¹⁰⁵ Восленский М. Номенклатура. М., 1991, с. 78-79.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

гинальных слоев, и их конечная победа над "тончайшим слоем старой партийной гвардии"¹⁰⁶ была предрешена простым количественным соотношением сил.

Уцелеть могли лишь те из "старой гвардии", кто переметнулся на сторону нового большинства. Это и предопределило выбор Сталина и всю его стратегию опоры на "массы" и на новую "маргинальную" элиту, которая его поддерживала, и которая понимала и принимала только ограниченную "инструментальную" модернизацию. Такая упрощенная и ускоренная модернизация отвечала историческому коллективному нетерпению, копившемуся в России с петровских времен, и одновременно банальному нетерпению миллионов, почувствовавших реальную возможность почти немедленных перемен в их сегодняшней, повседневной жизни. Говорить об их "нахрапистости" наивно. Они были не более нахрапистыми, чем народолюбцы, бросавшие бомбу в царя, или эсэры и большевики со своими "эксами", они были лишь куда более многочисленными и менее образованными. Можно ли винить их **за это?** Из их среды и вышла новая политическая элита, она понимала и отстаивала их интересы, имела в их лице надежную социальную базу. Только она ее и имела в СССР в то время. Ее-то и олицетворял Сталин. "Сталинские назначенцы были людьми Сталина. Но и он был их человеком. Они составляли социальную опору его диктатуры, но не из трогательной любви к диктатору-грузину: они рассчитывали, что он обеспечит их коллективную диктатуру в стране. Подобострастно выполняя приказы вождя, они деловито исходили из того, что эти приказы отдаются в их интересах... Он был ставленником своих ставленников и знал, что они неуклонно выполняют его волю, лишь пока он выполняет их волю"¹⁰⁷. Вольно или невольно, Восленский воспроизводит здесь цитируемую Ханной Арендт формулу Гитлера из его речи перед штурмовиками СА: "тем, что вы есть, вы стали, благодаря мне; тем, что я есть, я стал только благодаря вам"¹⁰⁸.

Именно новая советская элита, рожденная эпохой массового и - что очень важно - стремительного "линияния" общества, и стала на какое-то время надежной опорой политического режима, который она выдавала за "диктатуру пролетариата" и который издали мог казаться диктатурой масс. Этому способствовало и то, что представители правящей в СССР элиты и в самом деле часто были выходцами "из народа", по преимуществу из крестьян, но, бывало, и из рабочих. Когда М. Джилас в 50-е годы назвал такую элиту новым господствующим классом, его утверждения показались многим экстравагантными и поверхностными. В действительности же его анализ, возможно, был даже более пронизательным, чем полагал он сам. Согласно Джиласу, дореволюционный русский капитализм "был слишком слаб..., чтобы совершить промышленную революцию. На такое мог пойти только новый класс... Этого класса еще не было. Истории безразлично, кто поведет процесс, важно сделать необходимое... Так произошло и в России... Революция создала силы: нужных ей производителей, нужные организации и идеи. Новый класс про- израстал из объективных условий - волей, мыслью и поступком его

¹⁰⁶ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений,, т. 45, с. 20.

¹⁰⁷ Восленский М. Цит. соч., с. 89-90.

¹⁰⁸ Arendt H. Le systeme totalitaire. Ed. du Seuil, 1972, p. 49.

вождей"¹⁰⁹. Так как он утвердился у власти, опираясь, в первую очередь, на политические, а не на экономические рычаги, и это произошло в слабо структурированном обществе, его власть оказалась особенно деспотичной, а советский период стал временем редкостного для страны такого уровня развития безвластия и бесправия масс, их обмана и эксплуатации. Случайности в этом не было. Утверждение в России того, что впоследствии получило название "тоталитаризма", было подготовлено всей прошлой историей и запрограммировано на сто лет вперед, хорошо, если не на больше.

9. Тоталитарные идеологии

Известные слова Б. Пастернака о Ленине: "он управлял движением мысли и только потому - страной" - очень точно указывают на важнейшую предпосылку становления и сохранения тоталитаризма, а именно на власть идеологии, идеократию. Крушение соборного мира многомиллионного крестьянства было одновременно и крушением привычных богов, обесценением устоявшихся идей, мифов, ценностей. Образовавшийся вакуум требовал заполнения, которое могло быть новым по содержанию, но не по форме. Синкретическое сознание людей не могло измениться с сегодня на завтра, новые идеологемы, чтобы быть принятыми, тоже должны были быть синкретическими, адресоваться одновременно и к рассудку, и к чувству, и к вере. Их надлежало сделать монолитными, простыми, понятными, иными словами, свести к короткому, не подлежащему обсуждению лозунгу. Но такая форма, в свою очередь, давит на содержание, ибо не всякое содержание свертывается в лозунг и, следовательно, может быть воспринято соборным или полусоборным сознанием. Поэтому и новизна содержания может быть только относительной. Можно заменить идею царя идеей президента или генерального секретаря, но в конкретном восприятии того, кто вчера еще жил идеей царя, новым будет только название.

Пройдя через революционные и военные потрясения начала века, соборный крестьянин, а затем только что народившийся, полусоборный, полуавтономный Homo soveticus в его массовом варианте оказались в кругу совершенно новых представлений и идей и стали фильтром, который ежедневно и ежечасно отсеивал те из них, что по форме либо по содержанию не соответствовали разрешающей способности все еще синкретического, по преимуществу, сознания. Отфильтрованные таким образом представления и идеи сложились в официальную идеологию, и она на какое-то время зажила жизнью новой абсолютной религии - тоже в полном согласии со свойствами синкретического миропонимания. Разумеется, там, где есть официальная религия, там всегда есть и ересь. Чрезмерно жесткая советская идеологическая схема постоянно рождала диссидентствующих оппонентов. Но еретические контридеологии, как правило, рождаются и живут по тем же законам, что и официальная, и так же точно отражают состояние общественного и индивидуального сознания. Они борются за владение теми же самыми умами.

В конце 1960-х годов А. Амальрик составил схему основных характерных для тогдашнего СССР идеологических течений, которой позднее

¹⁰⁹ Джилас М. Новый класс. В кн.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992, с. 201.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

- в середине 70-х годов - он придал более ясный и законченный вид. Схема представляет собой "колесо идеологий", основу которого образуют три главные "суперидеологии", три типа социальной философии, которые Амальрик обозначил как "марксизм", "национализм" и "либерализм". "Суперидеологии не отделены одна от другой непроходимыми преградами, в какой-то степени даже переходят одна в другую"¹¹⁰ - потому и "колесо".

При всем многообразии постоянно менявшихся политико-идеологических позиций столетние российские споры были "двухполюсными", это была борьба старого и нового, принимавшая форму противостояния своего и чужого. Схема же Амальрика - трехполюсная. Откуда взялся третий полюс? Дело, по-видимому, в том, что даже и "суперидеологии" - еще не самый верхний уровень описанной Амальриком структуры. Есть еще некий "метауровень", и он действительно знает только два полюса: либерализм и тоталитаризм, а уже внутри тоталитаризма можно различить две разные, но внутренне глубоко родственные суперидеологии, которые Амальрик и обозначил как марксизм и национализм. Это родство подчеркивал и сам Амальрик, когда утверждал, что в СССР в кризисных ситуациях всегда "больше шансов на выживание и победу будет у тех, кто будет руководствоваться идеологиями тоталитарными, а не плюралистическими, доморощено-восточными, а не чужеродно-западными и чисто политическими, а не этико-политическими"¹¹¹. В послесталинском СССР этим условиям, согласно Амальрику, больше всего отвечал "неосталинский национализм" - "своеобразный национал-большевизм - "под знаменем марксизма", с одной стороны, и "пусть осенит нас знамя Суворова", с другой, - тянущийся в сторону все большего русского национализма с осовремененными старомосковскими идеями сильной "отеческой" власти"¹¹².

Либерализм как "суперидеология" в смысле Амальрика - это совокупность идей, отстаивающих принципы, формально провозглашенные во Франции в 1889 г. в Декларации прав человека, но выработавшиеся и углублявшиеся не одним поколением социальных мыслителей в странах более раннего капитализма - Голландии, Англии, Франции, Швейцарии и до и после Французской революции, а в XIX в. проверенные практикой этих и некоторых других стран, в частности, США. Таковы идеи политического плюрализма, гражданских прав и свобод, парламентской демократии и разделения властей, минимально необходимого вмешательства (но не невмешательства) государства в экономику и публичную жизнь, разделения государства и церкви и т. п. Логика либерализма - это логика сложной социальной системы с очень развитой и разнообразной внутренней средой, а потому и с высокой способностью к самоорганизации.

Если бы черепаха могла думать, то она безусловно пришла бы к выводу, что человек - существо, намного более беспомощное, чем она, ибо ему не на что опереть свое тело: у него нет внешнего каркаса. Идея позвоночника, служащего *внутренней* опорой, пожалуй, показалась бы

¹¹⁰ Амальрик А. Идеология в советском обществе. В кн.: Погружение в трясины. М., 1991, с. 678.

¹¹¹ Там же, с. 682.

¹¹² Там же, с. 678-679.

ей странной, и она ни за что не отказалась бы от своего стеснительного, но надежного панциря в обмен на большую свободу жизнедеятельности позвоночных. Примерно такого рода рассуждения лежат в основе неприятия либерализма и массовым, и элитарным сознанием во всех странах ускоренного перехода от простого сельского к более сложному городскому обществу. Все тоталитарные идеологии питает и роднит прежде всего активное, агрессивное противостояние либеральным принципам.

После Первой мировой войны кризис охватил всю Европу и, по странному искривлению зрения, очень часто воспринимался как кризис западного либерализма и индивидуализма. Между тем, наибольшей глубины кризис достиг в странах более позднего капиталистического развития, таких, как Германия, Италия или Россия, где ни то, ни другое не было развито, но быстро развивалось. Здесь с наибольшей силой проявился эффект человека-массы и обозначилось сильнейшее противостояние либеральным идеям. Ибо, как заметил Ортега-и-Гассет, либерализм "означает мирное сосуществование с противником, более того, он означает сосуществование со слабым противником... Масса... отвергает сосуществование с кем-либо, кроме нее самой, - ее питает смертельная ненависть ко всем, кто к ней не принадлежит"¹¹³.

Предреволюционная Россия развивалась по западному, капиталистическому пути, во многих отношениях это развитие было быстрым, успешным, укрепляло позиции прозападных либералов, их веру в возможности социальной самоорганизации, во власть денег, силу рынка, экономические принципы *Laissez faire*, ценности многопартийной демократии, одним словом, в нецентралистское общество, которое строится "снизу", от основания к вершине. Но такое развитие разрушало и ввергало в кризис традиционное общество, что неизбежно порождало внутреннее напряжение, конфликты, недовольство. Все это служило неплохим топливом для двигателей политического экстремизма, сочетавшего резкость социальной критики, часто оправданной, с несбыточными посулами.

Пока революционная активность в России оставалась делом по преимуществу интеллигенции, экстремистские политические течения сосуществовали с более умеренными, либеральными и в целом значительно уступали им по популярности. Когда же в революцию пошел "народ", либеральные надежды стали вызывать все большие сомнения. События революции 1917 г., Гражданской войны, а затем и неудачная попытка сдвинуть Россию на либеральный путь во времена НЭПа окончательно вскрыли незрелость отечественного либерализма и его непригодность для России того времени, невосприимчивость тогдашнего большинства населения к рациональным доводам либеральной идеологии, а потому и утопичность российского либерального проекта начала XX века. Может быть, позвоночник и лучше внешнего панциря, но тогда внутренний хребет российского общества был еще слишком хрупким.

В результате либерализм надолго исчез с советской идеологической сцены, что, впрочем, не означало утраты им своего значения одного из полюсов советского идеологического универсума. Более того, здесь, как и в фашистской Италии или нацистской Германии, он приобрел не-

¹¹³ Там же, с. 103.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

кий высший метафизический смысл полюса абсолютного зла - объекта явного всеобщего презрения и источника тайных дьявольских искушений. Согласно Большой Советской энциклопедии сталинских времен, либерализм "в широком смысле" был "синонимом примиренчества, терпимости к вредным, отрицательным явлениям и действиям, наносящим ущерб интересам государства, народа"¹¹⁴. (В довоенной итальянской энциклопедии в статье "Фашизм", написанной Муссолини, говорилось, что свойственные либерализму "агностицизм в области экономики..., равнодушие в области политики и морали ведут... к несомненному разрушению государств"¹¹⁵).

Но коль скоро либеральный, "западнический", нецентралистский проект был отклонен жизнью, ему мог противостоять только один проект централистского общества, которое строится "сверху" - от вершины к основанию. Теоретически он мог иметь многообразные варианты, на деле же опыт XX века указывает на две главные оси, вокруг которых группируются основные централистские проекты и соответствующие им идеологии, - они и обозначены в схеме Амальрика как марксизм и национализм. Различие заключается не в целях, а в средствах, в способах мобилизации социальных сил в нестабильном, переходном, модернизирующемся обществе. Не имея возможности осуществления глубинно революционного либерального проекта, стремящееся к модернизации советское общество вынуждено было довольствоваться поверхностно революционным, консервативно-революционным суррогатом. В этом - предел истинности всех тоталитарных, консервативно-революционных идеологий, их реализма.

Марксизм и национализм в схеме Амальрика - две разновидности таких идеологий. Их объединяет ставка на привычные, традиционные авторитарные методы мобилизации социальной энергии - жесткую вертикальную организацию общества в сочетании с доведенной до фанатизма верой. Разница же заключается в том, во что вера, а еще точнее, - вера в *какого врага*. Революционная вера - это всегда канализованное и определенным образом направленное недовольство масс, неизбежно обостряющееся при любом общественном кризисе. Когда речь идет о крупных системных кризисах, существует множество линий разлома - источников напряжений и недовольства, а значит и множество каналов, по которым это недовольство может быть направлено. Наличие одних трактовок не исключает других, все они обычно присутствуют в общественном сознании, конкурируют друг с другом, используются политическими силами в борьбе за влияние на массы.

Более или менее ясно, что, если говорить о марксизме как официальной советской идеологии, то речь идет не о марксистском учении в полном его объеме, а лишь о маске, по ряду причин удобной и для сторонников, и для противников этой идеологии. Судьба марксизма в России, как, впрочем, и в других странах, подтверждает слова самих Маркса и Энгельса о судьбе всякого рода коммунистических систем будущего, которые появлялись "в начале коммунистического движения". Они приводили пример "правоверных фурьеристов..., которые при всем своем правоверии являются прямыми антиподами Фурье", ибо

¹¹⁴ БСЭ, 2е издание, т. 25, с. 73.

¹¹⁵ Mussolini. Le fascisme. Doctrine, institutions. Paris, 1933, p. 48.

"истинное содержание всех составивших эпоху систем образуют потребности времени, в которое они возникли. В основе каждой из них лежит все предшествующее развитие нации"¹¹⁶.

По уже упоминавшимся причинам возникший на немецкой почве марксизм предлагал ответы на вопросы, неизменно мучавшие и русских. Россия приняла его в полном смысле слова с распростертыми объятиями. "Марксизм в 90-е годы был пережит у нас как мировоззрение, как философская система. Тогдашний спор "марксистов" и "народников" был столкновением двух философских теорий, двух мировоззрительных стилей. Это было восстание новой метафизики против засилия морализма... Важна не догма марксизма, а его проблематика... Марксизм... был практически возвращением к онтологии, к действительности, к "бытию"... В марксизме были крипто-религиозные мотивы. Утопическое мессианство, прежде всего, и затем чувство общественной солидарности. И можно сказать, что именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону Православия (замечание Г.П. Федотова). Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах"¹¹⁷.

Цитированные слова Флоровского показывают, насколько широкой могла быть аудитория марксизма в России. Он везде воспринимался как новое слово и, вероятно, и был таким новым словом, отвечавшим настроениям эпохи и находившим отклик в самой разной интеллектуальной и политической среде. И, конечно, в первую очередь, он был отправной точкой не для поворота к Православию. Из марксизма вышли революционные партии России, в том числе и большевики, с энтузиазмом воспринявшие его антифеодальный, "прогрессистский" пафос. Отсюда - высокая оценка "исторической миссии капитализма" и принесенных им социальных перемен, свойственная Ленину дореволюционной поры. Критика всего средневекового строя русской жизни была вполне естественна в пору борьбы с самодержавием. Но позднее, выбирая свою политическую стратегию, большевики вынуждены были все больше учитывать и "потребности времени", и "предшествующее развитие нации", тогда им пригодились и "крипто-религиозные мотивы" марксизма. Как писал Бердяев, "большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма"¹¹⁸.

В СССР такой русифицированный марксизм превратился в официальную идеологию-религию. Он отождествлялся, в первую очередь, с "социализмом" и антикапитализмом, тогда как его связь с другими, "западными" чертами классического марксизма была резко ослаблена, сохранялась и вспоминалась лишь в той мере, в какой это оправдывалось прагматическими нуждами режима. Согласно Ленину, марксистом мог считаться только тот, "кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата"¹¹⁹. В период перехода от

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, М., 1955, т. 3, с. 463-464.

¹¹⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия, Париж, 1937, с. 453-454.

¹¹⁸ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 89.

¹¹⁹ Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. сочинений, т. 33, с. 34.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

капитализма к коммунизму, писал Ленин, государство должно быть "по новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по новому диктаторским (против буржуазии)"¹²⁰. Эта формула давала ответ на кардинальный вопрос марксистской веры: в какого врага верить? Верить надлежало в *классового* врага: с ним надо было бороться, против него надо было объединяться, его надо было постоянно искоренять. В этом - особенность мобилизационной схемы марксизма, в отличие от национализма, который развивает свой мобилизационный потенциал, объединяя силы против *другого врага*.

В крайнем, сталинском варианте диктатуры "пролетариев и неимущих вообще" - с точки зрения чистоты классового анализа, определение довольно расплывчатое, но удобное в стране, где почти нет пролетариата, - "марксистским" считалось все, что оправдывало политический тоталитаризм, милитаризм, однопартийную политическую систему и т. д.

Отличительной чертой марксизма обычно считается интернационализм, что и в самом деле соответствует логике *классовой* борьбы. Казалось, что приход к власти в послереволюционной России марксистской партии означал сокрушительное поражение русского и всех остальных российских национализмов. Это во многом соответствовало либеральным воззрениям эпохи, исходившим из представлений об исчерпанности потенциала национализма. П. Милуков, например, полагал в начале века, что Россия вступила в "критический" период своей истории, когда "эпоха самовозвеличения сменяется эпохой самокритики"¹²¹, и на смену "национальному" приходит "общественное" (сегодня мы сказали бы "гражданское" - А.В.) самосознание. Милуков отчетливо видел конфликт между сторонниками "самовозвеличения" и "самокритики", но ему казалось, что в "новейший период нашей истории" в этом конфликте наступил решающий перелом. "Старые национальные идеалы уступили место в общественном мнении новым, которые подвергались упреку в "космополитизме" со стороны "патриотов" доброго старого времени. Число последних стало быстро уменьшаться"¹²².

На самом деле, до "решающего перелома" было еще далеко. Объективные причины возбуждения национальных чувств не только не исчезли, но, напротив, приобрели еще большее значение, ибо ускоренная модернизация, обостряя исторический спор внутри общества и его культуры, очень сильно затрагивает и национальные чувства. Среди множества возможных позиций в этом споре неизбежны и такие, которые дают ему этническое, этнокультурное или этноконфессиональное толкование. Стоит такому толкованию появиться, как критика старины начинает восприниматься как неуважение к национальным или религиозным святыням, как оскорбление национальных чувств, которые становятся очень обостренными. А уж очень легкая в подобных условиях игра на этих чувствах в политических целях и порождает национализм - одно из самых мощных средств мобилизации социальных сил в напряженной, неустойчивой социальной обстановке. В противовес образу

¹²⁰ Там же, с. 35.

¹²¹ Милуков П.. Очерки по истории русской культуры. М., 1992, с. 150.

¹²² Там же.

классового врага выдвигается не менее зловещий, но более удобный для определенных социальных слоев образ этнического (расового, этнокультурного, этнорелигиозного и т. п. - в зависимости от обстоятельств) врага. Это превращает национализм в альтернативу марксизму, в его конкурента в борьбе за влияние на массы.

В 20-е годы, когда победившие в России "красные" дорабатывали свой план мобилизации социальной энергии, основанный на постоянном возбуждении и обострении "классовой борьбы", побежденные и оказавшиеся в эмиграции "белые" разрабатывали свои альтернативы развития, которые если и отличались от большевистских, то лишь тем, что делали ставку не на классовые: а на этноконфессиональные чувства. "Коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная - сознательно религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская"¹²³, - писали евразийцы, подчеркивая, что "православие не одно из многих равноценных христианских исповеданий", а "единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все - или язычество, или ересь, или раскол"¹²⁴.

Таким образом, модернизирующееся российское общество разрабатывало оба главных направления мобилизационной идеологии. Правда, долгое время русский этноконфессиональный "патриотизм" явно проигрывал марксистскому "интернационализму" (в обоих случаях кавычки абсолютно необходимы). Нельзя сказать, что между ними не существовало никакого диалога: порой они дружелюбно переглядывались, не было недостатка и во взаимном довольно интенсивном обмене идеями, многие разграничительные линии давно стерлись. Но равенства, конечно, не было. "Интернационализм" захватил центральное место единственного официального правосерия, тогда как "патриотизм" довольствовался участием пусть и терпимой (а нередко и преследуемой), но периферийной ереси, был уделом политических и идеологических диссидентов. Кризис советского тоталитаризма в 80-е - 90-е годы подорвал положение и его официальной идеологии, что, естественно, способствовало подъему ее "патриотического" конкурента. Идеологическое поле стало все больше заполняться старыми, хотя и мало известными в СССР, а потому казавшимися оригинальными националистическими клише, созданными еще в 20-е годы. Вначале их освоение было уделом некоторых диссидентских движений, которым приходилось оглядываться на официальные власти, опасаться преследований, прибегать к эзопову языку и пр. С конца 80-х годов все эти препоны отпали, пропаганда "патриотических" идеалов резко усилилась, и они стали усваиваться многими недавними "интернационалистами"-марксистами, демонстрирующими либо свою внутреннюю симпатию к тоталитаризму в любой форме, либо попросту свою беспринципность, беспредельность своего чисто советского конформизма.

По общему правилу, русские "патриоты" демонстрируют враждебность тоталитарному "коммунистическому" режиму, но отнюдь не с антитоталитарных, либеральных позиций. По-прежнему либерализм для

¹²³ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 361.

¹²⁴ Там же, с. 362.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

них - еще больший враг, так что национализм выступает не только, а может быть даже и не столько в своем прямом качестве, сколько в виде понятной "народу" упаковки антилиберального натиска. В последнее время все более определенно обрисовываются два основных идейных источника "патриотических" программ (впрочем, их можно толковать и как один общий источник). С одной стороны, активно осваивается уже упоминавшееся наследие "евразийцев", еще в 20-30-е годы искавших идеологического компромисса с большевиками на основе общего подхода к пониманию российской государственности. Главные привлекающие "патриотов" элементы "евразийства" - утверждение культурной и геополитической целостности и уникальности "России-Евразии", ее непохожести на "Запад" и противостояния ему, особого мессианского призвания России в мире, ее ответственности за имперское единство Евразии. Но, конечно, не лишено привлекательности и особое "государственничество" евразийцев (идеи партии-государства, государственной идеологии и пр.), легко вписывающееся в логику любой тоталитарной системы.

С другой же стороны, в воздухе снова носятся полузабытые мотивы российско-германской антизападной переклички, причем пронемецкие симпатии русских "патриотов" буквально не знают границ, хотя "на дне" поиска в Германии русских национальных идеалов лежат все те же маниакальные тоска по аристократизму, "антибуржуазность", антилиберализм и все, что с этим связано. Вот лишь одна небольшая иллюстрация подобной логики, может быть, несколько крайняя, но зато раскрывающая сразу многие карты. "В национал-социализме Гитлера было много отступлений от консервативно-революционной ортодоксии"¹²⁵, - пишет современный *патриотический* автор, - но "в рамках национал-социалистического режима существовал некоторый интеллектуальный оазис, в котором концепции консервативной революции продолжали развиваться и исследоваться без каких-либо искажений, неизбежных в других более массовых проявлениях режима. Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС... СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики. Естественно, такой подход в экономической сфере предполагал категорическое отрицание всех сугубо капиталистических основ социального устройства - гедонизм, плутократию, финансовый либерализм, свободный рынок, процентную систему и т. д."¹²⁶.

"Неискаженная" концепция консервативной революции эсэсовского образца рассматривается, судя по всему, как наиболее подходящая для будущей России. При этом отмечается, что "в самом русском большевизме... легко можно обнаружить многие... мотивы, имеющие прямое отношение к "консервативной революции" (в частности, все то, что можно называть русским "национал-большевизмом" - от сменовеховцев до сегодняшних неосталинистов)"¹²⁷. Но мысль о том, что "консервативно-революционных мотивов" не были чужды и старо-

¹²⁵ Дугин А. Консервативная революция. Краткая история идеологий Третьего пути. "Элементы", 1992, 1, с. 53.

¹²⁶ Там же, с. 54.

¹²⁷ Там же, 1993, 1, с. 16.

сталинисты и сам Сталин, тщательно обходится. Признается, что "наиболее полным и тотальным воплощением... Третьего пути был германский "национал-социализм"¹²⁸, но остается неясным, не был ли этот путь более или менее полно воплощен и в наших собственных пределах. Одним словом, остается открытым довольно существенный вопрос: так ли велико отличие того, к чему призывают Россию некоторые "патриоты", от того, что в ней недавно было? А об этом стоит немного поговорить.

10. Социалистическое средневековье

Первая половина XX в. во многих странах Европы стала временем встречи пробудившихся политических инстинктов маргинализованных "масс" и вполне созревших к этому времени тоталитарных идеологий. Их политическая ангажированность и антилиберальная направленность были созвучны настроениям масс, и поэтому именно такие идеологии зачастую направляли поиски причин европейского коллапса и путей его преодоления. В результате выход из кризиса связывали не с ускоренным развитием экономической и политической демократии, основанной на либеральных и индивидуалистских ценностях, а с возвратом к старой холистской парадигме. Отсюда - уже упоминавшиеся симпатии к заветам средневековья, стремление к реабилитации его принципов и даже вера в его скорое возвращение. "Современный либерализм, - утверждал Меллер ван ден Брук в "Третьем Рейхе", - начинается там, где индивид избавляется от средневековых уз... Но либеральная мысль здесь, как и везде - это иллюзия, ибо средневековые узы были приобретением... Средневековые узы были могучим основанием могучей деятельности"¹²⁹.

В общем европейском хоре слышны и русские голоса. "Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось", - писал в 1923 г. Бердяев¹³⁰. - "Новое средневековье преодолет атомизм новой истории. Этот атомизм преодолевается или ложно - коммунизмом, или истинно - Церковью, соборностью"¹³¹. Такая позиция накладывает отпечаток на довольно противоречивую оценку Бердяевым - и не только им - событий, происходящих в СССР. Чтобы понять их, говорит он, нужно "перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья". "О русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма... Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии"¹³².

В словах Бердяева звучит не только осуждение, но и "понимание" русского коммунизма. На примере Бердяева времен "Нового средневековья"

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Moeller van den Brack A. Le Troisieme Reich. Paris, 1933, p. 138.

¹³⁰ Бердяев Н. Новое средневековье, с. 20.

¹³¹ Там же, с. 27.

¹³² Там же, с. 12-13.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

ковья", а еще больше на примере сменовеховцев и евразийцев видно, что критика "новой сатанократии" даже представителями враждебной большевикам эмигрантской оппозиции подчас отвергала далеко не все стороны накатывавшегося на СССР средневековья. Она нередко выражала прямое сочувствие ему, оправдывала и общим кризисом "новой истории", и историческими особенностями России. Антилиберальные мотивы в такой критике часто звучали намного сильнее антитоталитарных. "Антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением", - утверждал Бердяев¹³³. При всей напряженности первой половины 20-х годов они были все же чем-то вроде belle époque советской истории. Новый режим еще не оформился окончательно и не проявил себя в полной мере, внутри страны и в эмиграции были сильны надежды, что трудности, порожденные войнами и революциями, минуют, и Россия-СССР вот-вот укажет миру новый путь, свободный от пороков, собственных прогнущему и погибающему Западу. Это время - новая страница российско-немецкого диалога, и на этот раз немцы с особым вниманием и симпатией присматриваются к тому, что происходит в России.

"Европа была гнилым нарывом, заражавшим землю... И вдруг - неожиданно - с Востока засиял свет!" - в этих словах героя романа Б. Келлермана "9 ноября" отражается настроение типичное для Германии тех лет и притом не только в прокоммунистической или социал-демократической среде. Для А. Меллера Ван ден Брука Россия - страна, которая продолжает борьбу, проигранную Германией. "Тогда как Ноябрьская революция в Германии "осталась революцией либеральной", ... русский большевизм для автора "Третьего Рейха" занимает в истории место аутентичного консервативного контрдвижения, движения консервативно-революционного"¹³⁴. Для Геббельса образца 1925 г. (статья "Русский вопрос") Россия - "единственный союзник против дьявольских искушений и развращенности Запада"¹³⁵. Для национал-большевика Э. Никиша она - наследница "прусской идеи". "Россия подчинилась прусской мысли... Германия передала свою оригинальность России"¹³⁶. "Россия становится более прусской, чем мы... В той мере, в какой русский большевизм был "марксистским", речь шла об опруссаченном марксизме"¹³⁷. Возможно, представители разных, в том числе и протонацистских, политических сил и идеологических течений Веймарской Германии часто видели в России то, что они хотели видеть, а не то, что в ней действительно было. Но внушавшее им симпатии отрицание "западного" экономического и политического либерализма, все признаки доминирования государства над обществом в советской России, а затем и в СССР, конечно, не были ими придуманы.

Именно эти черты становящегося в России нового порядка отвечали кругу представлений, давно развивавшихся и в Германии, и в России в

¹³³ Там же, с. 11.

¹³⁴ Faye J. P. Langages totalitaires. Paris, 1972, p. 118.

¹³⁵ Цит. по: Лакер У. Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991, с. 47, 197.

¹³⁶ Niekisch E. "Hitler - une fatalite allemande" et autres ecrits nationaux-bolcheviks. Puiseaux, 1991, с 188.

¹³⁷ Ibid..

ответ на идейный вызов века Просвещения и Французской революции и нашедших благодатную почву в недавно раскрестянившейся, прошедшей через стремительные перемены и к тому же потерпевшей военное поражение от "западных демократий" Германии. Настоящее по всем статьям проигрывало прошлому - таков был общий фон настроений Веймарской поры. На этом ностальгическом, а часто и реваншистском фоне окрепло агрессивнo-отрицательное отношение к индивидуализму, либерализму, западной парламентской демократии и т.п., столь созвучное все более прояснявшейся практике Советской России. Многие тогдашние немецкие проекты будущего окрашены этими настроениями.

Если не "буржуазная демократия", без конца порицаемая в СССР, если не либерализм, постоянно поносимый в Германии¹³⁸, тогда что же? Ответ единодушный и один тот же в обеих странах: *социализм*. В России - это официально провозглашенная доктрина, в Германии - ось всех обсуждающихся проектов. "Глубокое значение может иметь в Германии только социализм" (Шпенглер)¹³⁹. "Мы смотрим на Россию потому, что эта страна, наиболее вероятно, вместе с нами встанет на путь, ведущий к социализму" (Геббельс)¹⁴⁰. "Перед нами стоит вопрос о немецком социализме" (Меллер ван ден Брук)¹⁴¹. "Немецкий социализм... это - *народный* социализм... Он охватывает весь народ, все стороны его жизни" (Зомбарт)¹⁴², и т. д.

В европейском сознании начала XX в. идеи социализма были очень тесно связаны с марксизмом, хотя, конечно, они имели более долгую и сложную историю и уходили своими корнями в доиндустриальную или раннюю индустриальную эру. Об этом говорится и в "Коммунистическом манифесте", где "правильный" пролетарский социализм противопоставляется всем остальным, "неправильным". После Первой мировой войны в Германии многие политические и идейные течения резко отвернулись от марксизма, но отнюдь не от социализма, лозунги которого они широко использовали, всячески подчеркивая немарксистские линии его родословной. "Нужно освободить немецкий социализм от Маркса", - писал Шпенглер. "Маркс был только отчимом социализма. В социализме есть более старые, более интенсивные, более глубокие черты, чем приписал ему своей критикой общества Маркс"¹⁴³. Фридрих-Вильгельм 1-й, а не Маркс был... первым сознательным социалистом"¹⁴⁴. Критикой марксизма и защитой социализма заполнены многие страницы тогдашней немецкой литературы, что само по себе требует объяснения. Чем не угодил Шпенглеру, Меллеру ван ден Бруку или даже бывшему ак-

¹³⁸ "В Германии есть ненавистные и обесславленные принципы, но презрение в Германии вызывает только либерализм" (Шпенглер О. Прусская идея и социализм, с. 58).

¹³⁹ Шпенглер О. Прусская идея и социализм, с. 58.

¹⁴⁰ Цит. по: Лакер У. Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991, с. 47, 197.

¹⁴¹ Moeller van den Brack A. Chaque peuple a son propre socialisme. In: Moeller van den Brack A. La revolution des peuples jeunes. Puiseaux, 1993, p. 189.

¹⁴² Sombart W. Le socialisme allemand. Puiseaux, 1990, p. 180.

¹⁴³ Шпенглер О. Прусская идея и социализм, с. 8-9.

¹⁴⁴ Там же, с. 70.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

тивному марксисту Зомбарту Маркс, и что так привлекало их в социализме?

Классический марксизм - часть специфически немецкого противоречивого социокультурного контекста середины XIX в. В этом контексте легко понять антифеодальную направленность марксизма, четко выраженную преемственность по отношению к идеям Просвещения и Французской революции. Самые яркие страницы "Коммунистического манифеста" составляет гимн новому - буржуазному, рыночному порядку вещей, прочно утвердившемуся к западу от Рейна. Но с панегириком капитализму соседствует и его критика, нередко обостренная, чрезмерная, справедливая применительно не к капитализму вообще, а лишь к его ранним стадиям. Такая критика неизбежно преувеличивала отрицательные стороны капитализма и потому отказывала ему в будущем. Когда же речь заходит о будущем, на первый план в марксизме выдвигается его хилиастическая составляющая, и марксистский "проект" понижает дух средневековых утопий. Резкая критика капитализма в сочетании с холистско-казарменными средневековыми "социалистическими" идеалами, идущими от Кампанеллы, Томаса Мора или Кабе, образует идеологическую гремучую смесь, которую охотно восприняли и поборники "немецкого социализма", освобождавшие его от Маркса.

В социализме для них воплощалось все то, что могло быть противопоставлено "восстанию масс" и что могло защитить от гибели аристократический дух и феодальные порядки старой Европы. Они постоянно подчеркивали, что речь идет о "немецком социализме", о воплощении "прусской идеи" и пр., но в главных чертах предлагавшегося ими порядка трудно найти что-либо исключительно национальное. Речь идет лишь об одном из двух комплексов идей, столкнувшихся в Европе XIX, а затем и XX вв. Его немецкая версия отличается от русской, итальянской или любой другой только в деталях, тогда как все национальные версии объединены главным: они борются против "атомизма новой истории", против индивидуализма "частных лиц", децентрализованных экономических решений, контроля общества над государством, парламентской демократии, свобод и прав личности.

"Немецкий социализм не атомизирует, он организует"¹⁴⁵. Это "авторитарный социализм, по своему существу чуждый либерализму, поскольку речь идет об английском либерализме и французской демократии"¹⁴⁶. Это торжество "прусской социалистической этики": она "предназначена для немногих, которые прививают ее и таким путем принудительно подчиняют ей толпу", это - "борьба за счастье не отдельных лиц, а целого"¹⁴⁷. Это идея корпоративного государства, которая "восходит к барону Штайну так же, как мюнхенские советы 1918 г. восходят к корпорациям Средних веков". Это идея корпоративной "общинной экономики"¹⁴⁸. Это "демократически-авторитарный режим": его "образцовая модель... - католическая церковь с ее коллегиумом кардиналов на вершине. Прусская армия тоже может служить образ-

¹⁴⁵ Moeller van den Brack A. Chaque peuple a son propre socialisme, p. 209.

¹⁴⁶ Шпенглер О. Прусская идея и социализм, с. 27.

¹⁴⁷ Там же, с. 70.

¹⁴⁸ Moeller van den Brack A. Chaque peuple a son propre socialisme, p. 209.

цом"¹⁴⁹. Это идея авторитарного руководителя, которому "вверяют жизнь... те, кто следует за ним"¹⁵⁰. К "немецкому социализму" полностью применимы слова Муссолини об итальянском фашизме: "Мы представляем ясную, категорическую антитезу... всему миру бессмертных принципов 1789 года"¹⁵¹.

Язык советской идеологии тех лет был совершенно иным. На словах сохранялся даже определенный пиетет по отношению к идеям европейского XIX в., который, по словам Ленина, "дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии"¹⁵². На деле же советский социализм, превратившись в инструмент традиционалистской индустриализации, "не столь уж отличной от абортивной крепостнической "индустриализации" петровских времен"¹⁵³, знаменовал собой консервирование и защиту обреченных историей на гибель принципов и институтов доиндустриальных, сельских, феодальных обществ и в этом смысле тоже был абсолютно "ясной, категорической антитезой" всем контрсредневековым достижениям XIX века. Надо ли приводить примеры этой "антитезы"?

В экономике - это отказ от частной собственности и конкуренции; это резкое сокращение сферы торговли и денежного обращения; это отказ от фермерского "американского" пути в сельском хозяйстве в пользу "прусского" батрацко-колхозного; это распространение на всю экономику принципов планирования "в натуре", уместных разве что в крестьянском хозяйстве доиндустриальной эпохи.

В политике - это отказ от парламентской демократии и утверждение авторитарного политического режима, мало отличавшегося от царского самодержавия¹⁵⁴; это неприятие принципа разделения властей и однопартийная система, воспроизводившая цезарепапистские принципы средневековых монархий, в которых политический контроль переплетался с религиозно-идеологическим, а единомыслие считалось обязательным; это духовная инквизиция, постоянная "охота на ведьм", политические преследования и чрезвычайно суровые репрессии, в некоторые периоды - с применением абсолютно средневековых пыток и истязаний.

В области прав человека - это фактический отказ от провозглашаемых на словах гражданских свобод; это полная зависимость человека от государственного патернализма; это преимущество

¹⁴⁹ Sombart W. Le socialisme allemand. Puisseaux, 1990, p. 236.

¹⁵⁰ Moeller van den Bruck A. Chaque peuple a son propre socialisme, p. 209.

¹⁵¹ Mussolini. Op. cit, с 74.

¹⁵² Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства. Поли. собр. сочинений, т. 38, с. 367.

¹⁵³ Левада Ю. Сталинские альтернативы. В кн.: Осмыслить культ Сталина. М., 1989, с. 455-456.

¹⁵⁴ Сталин находился у власти (считая с 1924 г.) 29 лет - столько же, сколько Николай I (с конца 1825 по 1855 г.) и больше, чем любой другой русский царь в XIX в.; бездарный Брежнев царствовал 16 лет (1866-1982) - больше, чем Александр III (1881-1894). Трон *Генерального секретаря* был не менее прочен, чем царский, в большинстве случаев он был пожизненным.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

"целесообразности" или "морали" перед законом; это вмешательство государственных или общественных организаций в личную жизнь граждан; это статусный характер элиты и вытекающее из него неравенство; это придание официального значения этническим различиям; это ограничение прав передвижения с помощью паспортной системы, прописки, выездных виз.

Можно взять любую сторону жизни советского общества - в ней сразу же без труда обнаруживаются типичные средневековые черты, часто свидетельствующие об отказе даже от тех довольно скромных достижений, которые принес России XIX в. И это произошло не по чьему-то умыслу, а по причинам вполне объективным, "не под влиянием социалистических утопий, - как замечает Восленский, - а из чисто практических соображений"¹⁵⁵. Политические расчеты большевиков, по необходимости, "опирались на ясно для них видимые феодальные структуры русского общества"¹⁵⁶. А поэтому и совершенная ими Октябрьская революция "оказалась... объективно не продолжением антифеодальной революции", а ее противоположностью. Она "открыла... эру старательного уничтожения всех капиталистических, то есть антифеодальных элементов"¹⁵⁷, "после нее было сведено на нет все достигнутое в борьбе против застарелых феодальных структур в России"¹⁵⁸.

Общий строй социалистического средневековья predetermined и тип его элиты. Все советские революции, в силу их консервативности и инструментальности, были обречены на незавершенность, ибо не сопровождались созданием встроенных в социальные процессы механизмов саморазвития. Это относится и к политической революции, которая привела к власти новую, демократическую по своему происхождению элиту, но не создала демократических механизмов ее обновления. Напротив, новая правящая элита, "номенклатура", будучи естественным порождением централизованного государственного социализма, мгновенно переродилась и, как ничто другое, отражала средневековые черты системы. Главная особенность советской элиты заключалась в ее статусности, она напоминала феодальную аристократию, была "своеобразной системой ленов, предоставляемых соответствующим партийным комитетом - сюзереном его вассалам - членам номенклатуры этого комитета"¹⁵⁹. Статусы не наследовались¹⁶⁰, а предоставлялись "инстанциями", но в остальном различия практически не было. Представители правящей страной партийно-государственной номенклатуры олицетворяли не свой капитал, не свои знания или способности, а свою должность. Им принадлежала монополия на власть, их отношение даже к другим элитарным слоям было примерно таким же, как у аристократии "ancien régime" к представителям третьего сословия. "Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель

¹⁵⁵ Восленский М. Цит. соч., с. 591.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же, с. 585.

¹⁵⁸ Там же, с. 591.

¹⁵⁹ Там же, с. 113.

¹⁶⁰ Впрочем, многочисленные проявления nepotизма - и не только в СССР, но на всем пространстве "социалистического" мира - от Румынии до Северной Кореи - были, видимо, не совсем случайными.

имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа", - замечает Восленский¹⁶¹.

Номенклатура образовывала вертикальную иерархию, ее положение гораздо больше зависело от вышестоящего уровня, чем от реальных процессов, происходивших в ее отраслевом или территориальном "лене". Она была куда менее чувствительна к тому, что происходило на более низких уровнях иерархии (это было бы "либерализмом"), нежели к поведению ее верхних уровней ("демократический централизм"), где принимались решения и утверждались назначения. Стабильность для нее была намного важнее, чем развитие, во всяком случае, спонтанное, от нее не зависящее. Если она и признавала нововведения, то только по команде свыше: они шли сверху вниз через представителей номенклатуры и позволяли им каждый раз выступать в роли маленьких Данко областного, районного или заводского масштаба. Этим оправдывались привилегии номенклатуры: как отказать в них людям, которые освещают вам дорогу своим собственным сердцем? Но развитие само по себе - точь в точь как в Средние века - не представляло для нее никакого интереса. Номенклатура и порождающий ее политический режим очень скоро превратились в главный источник застоя.

11. Тотальное государство

И все же "новое", социалистическое средневековье не было точной копией старого. Его, может быть, самая главная особенность опиралась на сохранные или восстановленные средневековые, феодальные структуры, на соборного человека и принципы его социальной жизнедеятельности, но сама она не была характерна для средневековья. Речь идет о всепроникающем присутствии государства, которое заставляет вспоминать, скорее, о тысячелетних восточных деспотиях, о древнем Вавилоне или древнем Египте, нежели о раздробленной феодальной Европе. Европейское феодальное государство всегда было ограничено в своих действиях распределением политических и экономических полномочий и прав между различными уровнями социальной пирамиды, "вольностями дворянства", общинной собственностью на землю и т. п. Оно определяло общие контуры внутренней и внешней политики, собирало налоги или вело войны, само могло быть крупным собственником, но не занималось организацией хозяйства в масштабах страны и не вмешивалось в частную жизнь подданных.

Новое европейское средневековье и в теории, и на практике характеризуется небывалым ростом амбиций государства. "Если либерализм означает индивида, фашизм означает государство"- разъяснял Муссолини¹⁶². "Для фашиста, - все в государстве, и ничто ни человеческое, ни духовное не существует и а fortiori не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, а фашистское государство, соединение и средоточие всех ценностей, истолковывает, развивает и предопределяет всю жизнь народа"¹⁶³.

¹⁶¹ Восленский М. Номенклатура, с. 114.

¹⁶² Mussolini. Op. cit, p. 56.

¹⁶³ Ibid., p. 20.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

Примерно такой же смысл имеет и немецкий вариант "тотального государства" Карла Шмита. Шмит особенно подчеркивал рост новых технических возможностей, новых инструментов государственной власти в XX в. - военной техники, техники "влияния на массы" и т. п., - которые оно должно сосредоточить в своих руках. Тотальное государство, говорил Шмит в 1932 г., это прежде всего сильное государство, подобно "фашистскому государству, которое называет себя *"stato totalitario"*, указывая тем самым прежде всего на то, что новые инструменты власти принадлежат исключительно государству и увеличивают его власть"¹⁶⁴. "Такое государство ни в коем случае не допускает развития внутри себя враждебных или препятствующих ему сил или сил, несущих распад государственности. Оно не помышляет ни о том, чтобы уступить своим врагам и разрушителям новые инструменты власти, ни о том, чтобы дать похоронить свою собственную власть под дежурными словами вроде либерализма, правового государства или какими угодно другими"¹⁶⁵.

В Германии идея государства соединяется с идеей "немецкого социализма". "Понятия государства и социализма, надо помнить об этом, едины"¹⁶⁶. Образец государства - Пруссия, ибо она "была настоящим государством в самом глубоком смысле этого слова. Тут, строго говоря, вообще не существовало частных лиц. Каждый, живший в этом организме, функционировавшем с точностью хорошей машины, принадлежал к нему как его член"¹⁶⁷. Однако нужные образцы можно найти не в одной лишь Пруссии и не только в прошлом. Не исключено, полагали некоторые немецкие авторы, что и опыт России "подтолкнет европейские государства на путь тотального государства"¹⁶⁸. Для таких надежд были основания, ибо, пока немцы теоретизировали, в СССР шло стремительное огосударствление самых разных сторон жизни.

Система всепроникающего государственного контроля стала складываться в России очень скоро после прихода большевиков к власти и установления однопартийной системы. Она сразу же насторожила даже многих сторонников режима, его союзников, а тем более его врагов внутри страны или в эмиграции. Но она получила и немалую поддержку - прежде всего, в собственном "народе", в массовом сознании, а также, как мы видели, у фашиствующих немцев или итальянцев, и даже во враждебной большевикам эмигрантской среде. Евразийский политический проект, противостоявший большевистскому, был симметричен, в главном тождествен ему, он был нацелен не на устранение тоталитаризма и замену его демократией, а на замену одного типа тоталитаризма другим, на возврат к "старой теократии", к идеократическому цезарепапизму, основанному на "православной идеологии". "Необходимо, - утверждали евразийцы, - создать новую партию, которая бы являлась носителем этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической... Мысля новую партию, как преемницу большевиков, мы уже

¹⁶⁴ Цит. по: Faye J. P. *Langages totalitaires*. Paris, 1972, fi. 702.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 705.

¹⁶⁶ Sombart W. *Op. cit.*, p. 196.

¹⁶⁷ Шпенглер О. *Прусская идея и социализм*, с. 99.

¹⁶⁸ Gunther G. *Das werdende Reich*. Hamburg, 1932, p. 198 (Цит. по: Faye J. P. *Langages totalitaires*, p. 297).

придаем понятию партия совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она - партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она - государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией"¹⁶⁹.

Мы видели, что в начале 20-х годов, когда возможности "тотального государства" еще не были ясны, будущее России, как и других европейских стран, нередко связывалось с возрождением средневекового корпоративного строя. Корпоративная идея и впрямь неплохо послужила в СССР, где были "коллективизированы" и таким образом поставлены под контроль не только крестьяне - тогда основной класс страны; коллективизированы были и городские ремесленники, и даже лица свободных профессий - писатели, художники, композиторы и т. п.

Тем не менее не этот путь оказался главным в СССР. По мере индустриализации, которая была тождественна расширению государственного сектора экономики, все многочисленнее становились государственные рабочие и служащие, которые постепенно стали большинством, так что прежние корпорации, рассчитанные все же на объединение частных лиц, хотя и сохранились, но утратили свое первоначальное значение главного посредника между государством и индивидом, и на первое место вышел прямой государственный контроль.

Экономическое огосударствление необыкновенно усилило "тотальность" советского государства и укрепило тоталитарный политический режим. Сам факт его упрочения, пусть и временного, равно как и то, что он имел множество искренних сторонников, говорит о его функциональности. В чем заключались объективные функции тоталитаризма в СССР?

Размышляя об условиях возникновения "тотальных государств", Восленский обращается к выводам историка Виттфогеля, который объяснял всепроникающую зависимость от государства в древних восточных деспотиях необходимостью постоянно возводить и поддерживать крупные ирригационные сооружения - от них зависела вся жизнь древних обществ ("азиатский способ производства" у Маркса; Виттфогель говорит о "гидравлических обществах")¹⁷⁰. Как замечает Восленский, "логика приводимого Виттфогелем материала... подталкивает к выводу: "азиатский способ производства" возникал не только в обществах с ирригационным сельским хозяйством, это лишь частный случай. Общая же закономерность состоит в том, что тотальное огосударствление применяется для решения задач, требующих мобилизации всех сил общества"¹⁷¹. Впрочем, возможно, обнаружение этой связи и не требует столь

¹⁶⁹ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 394-395. Ср. Сталин: "Руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая не делит и не может делить руководства с другими партиями" (Соч., т. 8, с. 27).

¹⁷⁰ Wittfogel K. W. Oriental despotism. New-Haven - Lole, 1976.

¹⁷¹ Восленский М. Цит. соч., с. 579.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

далеких исторических сопоставлений, она кажется очевидной и, видимо, была ясна с самого начала. "После того, как Эрнст Юнгер выработал концепцию "тотальной мобилизации", Карл Шмит ввел свою концепцию тотального государства", - писал один немецкий автор еще в начале 30-х годов¹⁷². В СССР связь всевластия государства с мобилизационными пружинами специально не подчеркивалась, но именно здесь "тотальность" государства в наибольшей мере была предопределена общей мобилизационной моделью советской модернизации, и именно мобилизационная функция стала организующим звеном всей политической системы.

Советская мобилизационная модель сложилась в 20-е - 30-е годы и тогда имела определенное историческое оправдание. Задуманный и осуществленный большевиками индустриализационный скачок не оставлял места рыночному своеволию, множественности воле производителей и потребителей, игре спроса и предложения. Он требовал от страны огромного напряжения сил и сосредоточения их на решении ограниченного числа задач, заранее определенных "Центром". В экономических терминах это означало, что очень большая часть произведенного должна была расходоваться на расширение производства, в основном промышленного, тогда как непроизводственное потребление надлежало предельно ограничивать.

Сдерживание потребления, концентрация и централизация ресурсов во имя достижения более важной цели - типичная ситуация военного времени. Но она может возникать и без войны и не только в контексте "социалистической" экономики. Известно, в частности, что эта проблема занимала Кейнса применительно к рыночной экономике западного типа, и он пришел к выводу о необходимости государственного вмешательства с целью ограничения потребления и стимулирования инвестиций и даже о том, что "достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости"¹⁷³. Если удастся несколько увеличить темпы накопления и тем приблизиться к полной занятости, говорил Кейнс, то, "по крайней мере, одна важная проблема будет решена"¹⁷⁴.

Но, во-первых, "достаточно широкое" вмешательство правительства в экономику вовсе не означало для Кейнса вытеснения децентрализованных решений централизованными, речь шла лишь о дополнительном корректирующем механизме. Кейнс был убежден, что "преимущества эффективности, вытекающие из децентрализации принятия решений и индивидуальной ответственности, возможно, даже более значительны, чем полагали в XIX в.", а потеря возможностей личного выбора - это "величайшая из всех потерь в... тоталитарном государстве"¹⁷⁵. Во-вторых же, Кейнс отмечал, что даже в пределах оправданного централизованного вмешательства всегда остается вопрос: "в каких размерах и какими средствами правомерно и разумно призывать нынешнее поколение к ограничению своего потребления ради того, чтобы обеспечить с

¹⁷² Gunther G. Op. cit, p. 197 (Цит. по: Faye J. P. Langages totalitaires, p. 294).

¹⁷³ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. - В кн: Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М., 1993, с. 514.

¹⁷⁴ Там же, с. 513.

¹⁷⁵ Там же, с. 515-516.

течением времени достаточные инвестиции для будущих поколений?¹⁷⁶

В СССР 20-х - 30-х годов этот вопрос не возникал, вся жизнь была проникнута идеологией жертв во имя будущих поколений. Под действием самых разных факторов - от наивной веры до грубого насилия, не убеждением, так принуждением (при относительно слабом сопротивлении), "Центр" добился того, что потребители поступились своими правами, делегировали их "плановым органам", вследствие чего в СССР была достигнута огромная централизация экономической власти. Началась эра "плановой социалистической экономики", и если бы она рассматривалась просто как временный инструмент мобилизации на период "большого скачка", против этого трудно было бы что-либо возразить.

Дело, однако, в том, что в условиях советской реальности мобилизационная модель модернизации с самого начала оказалась намертво спаянной с новой, номенклатурной элитой, по своему происхождению и функциям привязанной к централизму экономической и политической системы. Такая номенклатура была кровно заинтересована в продлении жизни мобилизационной модели даже тогда, когда ее основные, исторически оправданные задачи были выполнены, и искала для этого искусственные основания. Нужду в таких основаниях она почувствовала очень скоро и без труда нашла их в идеологии и психологии осажденной крепости, в том, что Ю. Левада удачно назвал "истерическим изоляционизмом". Этот "продукт для чисто внутреннего пользования, для удобства властвования и разделения"¹⁷⁷ оправдывал постоянную милитаризацию в мирное время. Приготовления к войне - едва ли не главное основание мобилизационной логики всех тоталитарных режимов. С этой точки зрения не столь уж важно, чем оправдываются такие приготовления: необходимостью обороны от постоянно наседающего врага, как это было в СССР, необходимостью завоевания нового жизненного пространства, как в гитлеровской Германии, или даже просто романтизацией войны и ее возведением в ранг почитаемого атрибута "настоящей жизни", свойственными многим идеологам тоталитаризма.

Восленский справедливо указывает на связь функционирования номенклатуры и милитаризации, он выводит ее непосредственно из стремления номенклатуры обладать материальными инструментами власти - вооружением, военной и полицейской техникой и т.п.¹⁷⁸. Но, возможно, связь - более глубинная, внутренняя. Военное производство служит основой тоталитаризма не потому, что поставляет танки или ключую проволоку, - и то, и другое можно, в крайнем случае, купить. Гораздо важнее то, что военное производство служит станovým хребтом всей централизованной экономики. В отличие от гражданского, оно не нуждается в рынке как в месте непрерывного диалога производителя с потребителем, в самом платежеспособном потребителе, в росте массового потребления. Оно имеет дело с централизованным спросом, который, напротив, тем больше, чем большая часть дохода в той или иной форме изымается государством у граждан, ограничивая их экономическое своеволие. Инвестиционный цикл в военном производстве не за-

¹⁷⁶ Там же, с. 513-514.

¹⁷⁷ Левада Ю. Сталинские альтернативы, с. 457-458.

¹⁷⁸ Восленский М. Цит. соч., с. 196.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

висит от потребительского спроса и отличается поэтому большой устойчивостью, его легко планировать. ВПК живет и развивается в обособленном, замкнутом мире, экономический государственный Левиафан сожигательствует в нем сам с собой. Если бы вся экономика могла быть только военной, централизованное планирование не имело бы соперников. А централизованное планирование, в свою очередь, лучше всего чувствует себя в казарме.

Именно в согласованности внутренних механизмов военной экономики, государственного монополизма и казарменного тоталитаризма и заключается секрет как долгожительства советской мобилизационной модели модернизации, так и ее финального кризиса. Лишенная обратных связей и диктующая свои приоритеты милитаризованная экономика не знает внутренних пределов экспансии. Она разрастается как раковая опухоль, поглощает все больше и больше ресурсов и останавливается только перед внешней границей: полным исчерпанием экономических возможностей общества. Это и произошло в СССР. Военная экономика разорила страну и привела к кризису, к какому ее едва ли способен был привести самый большой разгул рыночной стихии. Но кризис был не только экономический, он поразил всю "консервативно-модернизационную" систему.

12. Кризис тоталитаризма

Мобилизационные механизмы, позволяющие в критические моменты собрать все силы в единый кулак, не годятся для долговременного использования. Если время их жизни растягивается, они становятся дисфункциональными, неэффективными. Тем более это относится к советским мобилизационным механизмам полуфеодалного типа, больше ориентированным на сохранение, чем на перемены. А ведь изначальной целью системы были как раз ускоренные перемены. Здесь лежал главный корень проблемы: соединенные в одной модели модернизации революционные цели и консервативные средства вошли в неразрешимое противоречие между собой, рано или поздно должны были вступить в открытый конфликт. Он был неизбежен именно в силу *успехов* модернизации, пусть и половинчатых.

К концу XX века СССР во многих отношениях напоминал Россию в его начале - и очень сильно от нее отличался. Феодалный социализм восстановил многие основополагающие черты централистского вертикального российского общества начала века, но теперь им снова противостояли нараставшие силы горизонтальных связей и отношений, на этот раз куда более мощные. Хотя ни одна из революций, из которых складывалась советская модернизация, не была завершена, они все же подготовили, пусть и вчерне, новые материальные и духовные основы современной общественной жизни, несопоставимо более зрелые и всеохватывающие, чем те, которые смог оставить после себя дореволюционный российский капитализм. Инструментальная модернизация не исчерпывает всех задач модернизации, но важна и она, и в той мере, в какой она все же состоялась в СССР, многие десятки миллионов людей получили доступ к ее плодам. Все это не могло не сказаться на состоянии переходного советского общества, породило силы его структу-

рирования и демаргинализации, подготовило первые предпосылки для его востания в новую социокультурную почву.

Может быть, самым главным звеном такого структурирования стали перемены, происходившие в среде самой номенклатурной элиты, "нового класса". По мнению Джиласа, "новый класс" был призван выполнить некоторую, в определенном смысле стандартную, историческую задачу (обеспечить промышленную революцию) там, где ее нельзя было решить обычными "западными" методами. Но какая судьба ждала его после того, как эта задача будет выполнена? Что-то обязательно должно было измениться, и, пожалуй, можно было заранее предсказать крушение всей номенклатурной системы.

Хотя классическая номенклатура напоминала феодальную аристократию, на деле она была лишь ее функциональной имитацией, за ней не стояла реальная система отношений, которая придавала прочность феодализму. Даже во времена расцвета номенклатуры ее положение было непростым. В номенклатуру было трудно попасть, но из нее, как из бандитской шайки, нелегко было и добровольно выйти. Обладая огромными, часто бесконтрольными правами по отношению к более низким уровням социальной иерархии, она столь же бесконтрольно зависела от ее более высоких уровней и отнюдь не была защищена от тоталитарного террора. Самые высокие иерархи режима жили в постоянном и небезосновательном страхе. Номенклатура никогда не знала нужды: времена партмаксимума оказались мимолетными, и она всегда имела множество материальных привилегий - банальных, но весьма существенных в бедной стране. В то же время режимом культивировался покаянный аскетизм, соответствовавший общему духу мобилизационного развития, во имя которого все должны были принести жертвы, так что "законные" привилегии надлежало тщательно скрывать от посторонних глаз. К тому же их всегда можно было потерять, потому что это были привилегии не человека, а места, которое он занимал. Высокие номенклатурные чины и в центре, и на местах нередко могли долго и бесконтрольно злоупотреблять своим служебным положением, обогащаться, воровать, развратничать и пр., но, при желании, любого эпизода из личной жизни было достаточно, чтобы расправиться с неугодным "номенклатурщиком", свалить конкурента и т. п.

Какое-то время со всем этим приходилось мириться, но когда режим почувствовал себя прочным, а страна стала богаче, правящие слои оказались первыми, у кого появилось желание расслабиться, снять мобилизационное напряжение, обезопасить себя. Каждое новое поколение элиты расширяло пространство своей личной неприкосновенности, открыто узаконенных привилегий, дозволенного гедонизма, даже терпимого вольномыслия. Постепенно стал меняться и сам тип элиты, чему способствовали также и объективные перемены, имевшие своим следствием одновременно и усложнения общества, и усложнение человека.

Связка "милитаризм-мобилизация-централизм" образовывала становой хребет советского тоталитаризма, предопределяла вертикальную направленность всех его главных связей, строгую подчиненность нижних уровней системы верхним. Номенклатура была верным стражем этого породившего ее вертикального мира и готова была платить за его незыблемость отказом от продолжения модернизации, хотя бы и инструментальной, даже от технического прогресса. Она и делала это,

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

когда тормозила развитие целых отраслей знания, научных или художественных направлений, препятствовала международным контактам специалистов и пр. Но совсем остановить развитие она, конечно, не могла - хотя бы из-за той важности, какую имеет технический прогресс для военного производства. Модернизационное развитие было затруднено, стеснено, но все же не прекратилось, а потому не прекратилось и непрерывное усложнение общества, а значит, укрепление его горизонтальных связей и обесценение вертикальных.

С развитием промышленности, городов, образования набрали силу локальные - региональные, отраслевые, комбинированные - центры экономической и социальной жизни, они стали сложными, внутренне расчлененными, способными к значительной хозяйственной и политической автономии, к параллельному существованию и горизонтальному взаимодействию. Снова, как и в XIX веке, но в гораздо больших масштабах, увеличилось число элитарных статусов и сложились теперь уже довольно многочисленные слои с ними связанные. Они вербовались из вчерашних маргиналов и, конечно, несли на себе печать классического Номо soveticus. Кроме того, поначалу они выступали в привычной номенклатурной маске. Но их объективная природа была уже иной. Во-первых, новые поколения элиты во все возрастающей степени воплощали интересы системной самоорганизации, идущей "снизу", - в отличие от старой номенклатуры, которая реализовывала замыслы, исходившие "сверху". Во-вторых же, представители новых поколений элиты, в сравнении со своими отцами, чувствовали себя более независимо, ибо обладали собственным неотчуждаемым багажом: профессиональными знаниями, городской культурой, ощущением укорененности в новой социальной почве. В них с наибольшей отчетливостью отражался сдвиг в сторону автономии личности, который в менее выраженных формах затронул многие десятки миллионов горожан во втором и третьем поколениях.

Новая, уже не вполне номенклатурная, частично номенклатурная элита стала заполнять советскую политическую сцену, начиная, примерно, с хрущевских времен. Тогда она была немногочисленной, но уже принесла с собой новые ощущения, взгляды, ценности, которые и предопределили порыв "шестидесятников". Понадобились десятилетия, чтобы она умножилась, вошла в силу, освободилась от многих иллюзий и смогла начать переустраивать мир по своему разумению. И, конечно, наивно было бы ожидать, что это разумение оправдает все надежды *романтиков* шестидесятничества, идет ли речь, скажем, об Окуджаве, Сахарове или Горбачеве. Тем не менее некоторые - и весьма немаловажные - надежды она все-таки оправдала. В частности, она достаточно решительно отвергла централизованную экономику, мобилизационную идеологию, политический тоталитаризм - все это более не соответствовало ее интересам. Но то, что она могла взять от этого породившего ее и теперь уходящего в прошлое мира, она взяла и внутреннего родства с ним пока не утратила.

"Свое могущество, привилегии, идеологию, привычки, - утверждал Джилас, - новый класс черпает из некоей особой, специальной формы собственности. Это - коллективная собственность, то есть та, которой он управляет и которую распределяет "от имени" нации, "от имени" об-

щества¹⁷⁹. О том же писал и писал Восленский: "социалистическая собственность - коллективная собственность номенклатуры"¹⁸⁰. Насколько это было верно, стало ясно лишь тогда, когда назрел момент превращения этой коллективной собственности в частную, и номенклатурщики всех рангов с полной убежденностью в своих правах приступили к спешному дележу богатств огромной страны, а заодно и самой страны. Этот передел оказался очень простым, он был облегчен, подготовлен всей советской историей, которая приучила общество как ко всевластию номенклатуры, так и к безгласию "масс". Режим, который так любил выдавать себя за воплощение народовластия, именно с точки зрения народовластия оставил после себя абсолютную пустыню: ни идей, ни людей, ни институтов, которые могли бы хоть немного продвинуть общество в направлении социальной демократии, способствовать самоорганизации большинства для защиты своих интересов, для создания нормальных противовесов безграничным аппетитам собственности и власти. Последние же имели очень мощную институциональную основу, которую предстояло лишь видоизменить, причем опираясь в значительной степени на тех же людей и на те же интересы, на которые еще вчера опирался "развитой социализм".

Если оставаться в плену ортодоксальной советской мифологии, то надо признать: то, что произошло с момента распада СССР, было поистине ужасно. Общепризнанное достояние, создававшееся поистине жертвенным трудом нескольких поколений советских людей, "строителей коммунизма", было в считанные годы, если не месяцы, присвоено кучкой сказочно разбогатевших "новых русских", - на глазах честного народа, который если и успел что-то заметить, так это кукиш ваучерной приватизации. Отказ от советской мифологии приводит к несколько иному взгляду на вещи. Ни жертвенный труд поколений, ни полученный народом кукиш оспорить, конечно, невозможно. Но значит ли это, что у народа что-то отобрали? Государственная собственность только называлась общепризнанной, но никогда таковой не была. "Ужасное" произошло намного раньше, когда тоталитарный государственный Левиафан присвоил себе все экономические и политические права в стране и привел ее к полному разорению. Могли ли энтузиасты тридцатых-сороковых годов предполагать, что их самоотверженный труд во имя ожившего в скорости социализма будет иметь своим истинным следствием лишь то, что накачавший промышленные мускулы СССР превратится попросту в одного из крупнейших в мире торговцев оружием? Что он все больше будет зависеть от экспорта сырья и импорта продовольствия и машин, в том числе и для поддержания минимального технического уровня с такими жертвами создававшейся промышленности? Что к началу 80-х годов, после нескольких десятилетий мирной жизни даже в крупнейших городах опустеют полки магазинов и начнет распространяться типичное для военного времени рационирование продовольствия? Что придется скрывать от самих себя и от всего мира показатели благосостояния или продолжительности жизни населения?

Новоявленные русские "воротилы" отобрали собственность не у народа, а у государства. Не будем говорить о нравственной стороне этой

¹⁷⁹ Джилас М. Цит. соч., с. 205.

¹⁸⁰ Восленский М. Цит. соч., с. 174.

А.Г.ВИШНЕВСКИЙ
Консервативная революция в СССР

экспроприации: и без того ясно, что речь идет не о веберовском аскетическом *служении* ранних протестантских предпринимателей. Если кому-то нравится называть ее "великой криминальной революцией", то пусть их утешит, по крайней мере, то, что люди - и при кормушке, и при власти - остались в основном те же. Некоторые, правда, выпали из обоймы, но это и раньше случалось, падения бывали и более болезненными. Верно и то, что в числе "новых русских" оказываются порой и не кристально чистые люди. А мы привыкли, что нами управляют кристально чистые, не так ли?

Стоит отойти от свойственной соборному человеку склонности заменять анализ морализированием, хотя бы на время отвлечься от нравственного смысла происходящего передела - и приходится признать, что при всех невероятных издержках он все-таки подталкивает общество в направлении, подсказанном историей. Огромная, всеохватывающая мафия тоталитарного государства распалась на множество частей. Пусть они и сохранили многие родовые черты, но былой безраздельный монополизм недоступен ни одной из них, а это в корне меняет дело, превращает общество из вертикального в горизонтальное, из одноцентрового в многоцентровое, из строящегося сверху в строящееся снизу.

Такой мир не раз доказывал свои преимущества во многих странах, но Россия его практически не знала, здесь ему еще предстоит подтвердить свою жизнеспособность. Как говорил Герцен, "народы западные выработали тяжким трудом свои зимние квартиры. Пусть другие покажут свою прыть"¹⁸¹. Даже в случае успеха этот "новый мир" не будет иметь ничего общего с вымышленным раем коммунизма, с молочными реками в кисельных берегах, с фантастическим принципом "каждому по потребности". Это будет суровый гоббсовский мир борьбы всех против всех, но борьбы в тех цивилизованных формах "сдержек и противовесов", которые выработаны всем опытом истории. Хочется верить, что Россия сможет внести и свой вклад в копилку этого опыта, что, уйдя от государства социалистического, она найдет свои формы *социального* государства, поддержки слабых, защиты прав меньшинств, свою модель социальной демократии, при которой трудовой народ сможет достойно отстаивать свои интересы, не сокрушая при этом несущие конструкции того несовершенного здания, в котором всем нам приходится жить.

¹⁸¹ Герцен А.И. Концы и начала. В кн.: Герцен А.И. Письма издалека. М., 1984, с. 291.